

ISSN 0202—151X

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1983

10

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

10

1983

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Редакционная коллегия

акад. АН УзССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*), акад. АН УзССР С. К. ЗИЯДУЛЛАЕВ, акад. АН УзССР И. И. ИСКАНДЕРОВ, акад. АН УзССР С. К. КАМАЛОВ, акад. АН УзССР К. И. ЛАПКИН, акад. АН УзССР М. К. НУРМУХАМЕДОВ (*зам. главного редактора*), акад. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, член-корр. АН УзССР Г. А. АБДУРАХМАНОВ, член-корр. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, член-корр. АН УзССР М. А. АХУНОВА, член-корр. АН УзССР М. Б. БАРАТОВ, член-корр. АН УзССР П. Г. БУЛГАКОВ, член-корр. АН УзССР В. В. КИМ, член-корр. АН УзССР М. К. КОШЧАНОВ, член-корр. АН УзССР Г. А. ПУГАЧЕНКОВА, член-корр. АН УзССР С. П. ТУРСУНМУХАМЕДОВ, член-корр. АН УзССР Х. Т. ТУРСУНОВ, член-корр. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ, член-корр. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, доктор ист. наук А. А. АСКАРОВ, доктор филол. наук А. П. КАЮМОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН (*зам. главного редактора*), доктор ист. наук А. Р. МУХАМЕДЖАНОВ, доктор филос. наук Ж. Т. ТУЛЕНОВ (*зам. главного редактора*), доктор филос. наук К. Х. ХАНАЗАРОВ, доктор экон. наук А. Х. ХИКМАТОВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

*Адрес редакции: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 33-47-12, 39-04-83.*

Редактор *И. Маркман*
Технический редактор *Р. Лушникова*

Сдано в набор 10.10.83. Подписано к печати 25.10.83. P05762. Формат 70×108^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 4,20. Уч.-изд. л. 4,8. Тираж 1122. Заказ 217. Цена 65 к.

Издательство «Фан» УзССР, Ташкент, 700047, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.

© Издательство «Фан» УзССР, 1983 г.

Решения июньского Пленума ЦК КПСС — в жизнь!

М. Х. КАРИМОВ

О КОМПЛЕКСНОМ ПОДХОДЕ К ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОМУ ВОСПИТАНИЮ МАСС В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ ИЮНЬСКОГО (1983 г.) ПЛЕНУМА ЦК КПСС

В материалах июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС, ставшего крупным событием в общественно-политической жизни страны, дальнейшее развитие получили принципиальные положения XXIV—XXVI съездов партии о необходимости качественного улучшения коммунистического воспитания трудящихся в условиях совершенствования развитого социализма. Пленум ЦК КПСС, глубоко проанализировав многогранный комплекс проблем идеологической, массово-политической работы, четко определил пути и средства повышения ее эффективности на основе более полного внедрения комплексного подхода к важнейшему делу формирования нового человека.

В материалах Пленума комплексный подход характеризуется как наиболее адекватное нынешнему периоду развития советского общества средство оптимизации воспитательного процесса, важнейший принцип формирования целостной личности активного строителя нового общества. В этой связи весьма актуальное теоретическое и практическое значение приобретает раскрытие объективной необходимости и роли комплексного подхода в процессе воспитания трудящихся в духе пролетарского, социалистического интернационализма, являющегося «одним из важнейших условий успешной деятельности партии по совершенствованию развитого социализма»¹.

Возрастающее значение комплексности интернационального воспитания трудящихся на нынешнем этапе развития советского общества непосредственно связано, с одной стороны, с качественными изменениями во всех сферах его жизни, предъявляющими все новые требования к интернационалистскому сознанию, нормам поведения каждого человека. С другой стороны, необходимость комплексного подхода в интернациональном воспитании трудящихся вытекает «из той реальности (уровня интернационалистской зрелости советских людей.— М. К.), которая есть, со всеми ее плюсами и минусами»². Таким образом, более полное внедрение комплексности в интернациональном воспитании на современном этапе развития советского общества объективно обусловлено необходимостью дальнейшего укрепления интернационалистской убежденности каждого человека, обеспечения полноты развития его интернационалистских черт.

В условиях развитого социалистического общества интернационализм объективно пронизывает все стороны жизни человека, охватывает его интеллектуальную, нравственную, эмоциональную сферу, фор-

¹ Рашидов Ш. Р. О задачах республиканской партийной организации по выполнению решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС, положений и выводов, содержащихся в речи на Пленуме Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Ю. В. Андропова. Доклад на XI пленуме ЦК Компартии Узбекистана.— Правда Востока, 1983 г., 5 июля.

² Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14—15 июня 1983 г. М., 1983, с. 33.

мирует отношения людей. Однако необходимо, чтобы все компоненты интернационализма личности — взгляды, чувства, нормы поведения, поступки и т. п. — получали максимально полную реализацию и функционировали как целостное образование всесторонне развитой личности.

Различные стороны коммунистического воспитания, направленные на формирование всесторонне развитой личности, внутренне связаны между собой, и их оптимальное сочетание повышает эффективность воспитательных усилий. Процесс формирования всесторонне развитой личности предполагает не только многосторонность, многоаспектность воздействий на человека, но их внутреннее единство. Это означает, что любое воспитательное воздействие, в данном случае интернациональное воспитание, направлено не на «изолированную» цель, а включается в комплекс сложнейших зависимостей и взаимодействий. Следовательно, формирование целостной личности строителя коммунизма обеспечивается лишь в том случае, когда «средство» интернационального, патриотического, атеистического, эстетического видов коммунистического воспитания будет принципиально содержаться в каждом из них в отдельности. Тогда их синтез состоится, и можно вести речь о воспитательной интеграции.

Наконец, необходимость комплексного подхода к интернациональному воспитанию советских людей все более выдвигается и практикой идеологической работы. И именно комплексность позволяет значительно повысить действенность, результативность всей работы по интернациональному воспитанию трудящихся.

Вместе с тем, как справедливо указывалось на XI пленуме ЦК Компартии Узбекистана, это требование не везде еще учитывается в полной мере. «Комплексный подход к воспитанию, — говорил Ш. Р. Рашидов, — в ряде партийных комитетов все еще рассматривается как механическое сложение различных мероприятий, без должного учета организационно-политических факторов, особенностей трудовых коллективов и групп населения»³. В планах и практике идейно-воспитательной работы на местах задачи интернационального воспитания нередко определяются в отрыве от всего комплекса идейно-воспитательной работы, не всегда увязываются с решением актуальных хозяйственных, социальных проблем. Интернациональное воспитание зачастую ограничивается лишь мероприятиями, приуроченными к той или иной знаменательной дате. Отсюда особую значимость приобретает положение июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС о том, что воспитание советских людей в духе пролетарского, социалистического интернационализма «следует вести широко, настойчиво, по-деловому, не ограничиваясь фестивалями, декадами и юбилейными вахтами»⁴.

Содержательная сторона комплексного подхода к интернациональному воспитанию указывает, во-первых, на необходимость обеспечения единства целей и задач, сторон и аспектов данного процесса, во-вторых, — на необходимость учета всей совокупности факторов, воздействующих на формирование интернационалистской зрелости трудящихся, определения места и значения каждого из них, обеспечения единства объективных и субъективных факторов в осуществлении данного вида коммунистического воспитания.

В комплексном осуществлении интернационального воспитания советских людей принципиальное значение имеет формирование у них не отдельной или нескольких, а всей совокупности интернационалистских черт личности строителя коммунизма в их единстве и взаимодействии. Так, интернациональное воспитание призвано способствовать формированию научного мировоззрения трудящихся. Напомним, что В. И. Ленин определял пролетарский интернационализм как миросо-

³ Правда Востока, 1983 г., 5 июля.

⁴ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14—15 июня 1983 г., с. 59.

зерцание рабочего класса в национальном вопросе⁵. Интернациональное воспитание содействует и нравственному совершенствованию трудящихся (осознанию ими своего интернационального долга, интернациональной ответственности, выработке у них норм и правил повседневного интернационалистского поведения и т. п.). Оно призвано также способствовать патриотическому воспитанию — прививать трудящимся гордость за революционные свершения братьев по классу. Интернациональное воспитание должно содержать в себе и атеистический аспект, если иметь в виду такую его функцию, как высвобождение подлинных национальных ценностей из-под влияния религии, воспитание непримиримости к национализму и его пережиткам.

Вместе с тем необходимо признать, что все направления и виды коммунистического воспитания причастны к решению задач воспитания людей в духе пролетарского, социалистического интернационализма. Следовательно, формирование нового человека должно быть вместе с тем и формированием его как интернационалистской личности. Поэтому как в теоретических разработках, так и в практике идеологической работы любое выделение интернационального воспитания из общей совокупности проблем коммунистического воспитания (в целях глубокого анализа именно данного вида воспитательной деятельности) условно, а в действительности оно является частью единого процесса коммунистического воспитания.

Важное требование комплексности интернационального воспитания — осуществление его в тесной связи с условиями конкретной действительности, реальной жизни, учет своеобразия и особенностей каждого исторического этапа. Это обусловлено тем, что интернационалистские сознание и нормы поведения людей формируются и развиваются, во-первых, социальной средой, условиями жизни людей, а во-вторых, — специально организуемым процессом — воспитанием. Первый фактор действует на формирование интернационалистских черт человека стихийно, спонтанно, но может стать и мощным фактором реализации целей и задач интернационального воспитания, если эти цели учитываются в изменении социальной среды. Второй действует на формирование и развитие интернационализма личности и коллективов только целенаправленно.

Сами по себе социальные условия — социалистические общественные отношения, воплощение принципов пролетарского интернационализма в государственном, хозяйственном и культурном строительстве, углубление процессов интернационализации всех сторон общественной жизни, быта и т. д. — автоматически не создают человека с требуемыми интернационалистскими качествами. Однако и интернациональное воспитание, оторванное от условий жизни, деятельности людей, не может дать ожидаемого результата. Успех дела решают тесное единство того и другого, т. е. объективных и субъективных факторов, такая постановка идейно-воспитательной работы по формированию интернационалистского сознания и норм поведения людей, когда она опирается на их реальные жизненные условия, а последние, в рамках объективно возможного, изменяются в соответствии с воспитательной программой формирования всесторонне развитой личности. Неслучайно в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии на это обстоятельство обращалось особое внимание⁶.

Данный аспект комплексного осуществления идейно-воспитательной работы стал предметом глубокого анализа на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, где отмечалось, что вопросы воспитания нередко «перекладываются... на идеологические кадры»⁷. Среди управленческого персонала отдельных коллективов бытуют представления об авто-

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 123.

⁶ См.: Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 63.

⁷ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14—15 июня 1983 г., с. 53.

номности хозяйственной деятельности и идеологической работы, т. е. превратное толкование положений об идеологическом обеспечении хозяйственно-организаторской деятельности. Поэтому Пленум признал одной из основных практических проблем, стоящих перед партийными организациями в области идеологической, массово-политической работы, достижение «тесного единства идейно-воспитательной работы с организационно-партийной и социально-экономической деятельностью»⁸. «...Идеологическая деятельность сама по себе не может решать экономические и социальные проблемы. Не следует ни приписывать только ей достигнутые успехи, ни упрекать исключительно ее в имеющихся недостатках. Лишь слияние идейно-воспитательной работы с политической, организаторской и хозяйственной дает нужный эффект. Об этом всегда надо помнить и партийным, и хозяйственным руководителям»⁹.

В современных условиях, осуществляя интернациональное воспитание советских людей, необходимо «вовремя подмечать новые позитивные сдвиги в национальных отношениях, всесторонне анализировать тенденции расцвета и сближения наций, находить такие формы работы, которые открывают еще больший простор для взаимообогащения культур наших народов»¹⁰. Здесь важно иметь в виду, что на развитие национальных отношений в СССР не могут не оказывать определенное влияние происходящие в стране крупные перемены в размещении производительных сил, формирование территориально-производственных комплексов, изменения в социальной структуре советских наций и народностей, национальном составе трудовых коллективов, городов, районов, республик. В частности, в связи с усилением миграционной подвижности населения появляются новые моменты в организации обучения детей на родном языке и на языке межнационального общения.

Поэтому интернациональное воспитание следует и далее совершенствовать, помогать трудящимся правильно понять и осмыслить новые явления и процессы, возникающие в сфере национальных отношений. На это акцентировалось внимание в докладе Ю. В. Андропова «Шестьдесят лет СССР», где было сказано: «В области интернационального воспитания, как и во всей идеологической и массово-политической работе, перед нами большие задачи. Убедительный, конкретный показ наших достижений, серьезный анализ новых проблем, постоянно рождаемых жизнью, свежесть мысли и слова — вот путь к совершенствованию всей нашей пропаганды, которая должна быть всегда правдивой и реалистичной, а также интересной, доходчивой, а значит и более действенной»¹¹.

Успех работы по интернациональному воспитанию советских людей непосредственно связан с уровнем ее научной организации, соблюдением таких требований комплексного осуществления идейно-воспитательной работы, как перспективное планирование и комплексное использование идеологических средств.

Повсеместное распространение комплексных планов коммунистического воспитания (в трудовых коллективах, учебных заведениях, в масштабе районов, городов и т. п.), куда неотъемлемой составной частью входят и планы по интернациональному воспитанию, обусловлено рядом причин. Во-первых, — сложным, комплексным характером задач, стоящих в области формирования всесторонне развитой личности; во-вторых, — повышением роли организаторской работы в воспитательном процессе; в-третьих, — широким распространением комплекс-

⁸ Там же, с. 76.

⁹ Там же, с. 39.

¹⁰ Там же, с. 59.

¹¹ Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР. М., 1982, с. 15.

ных планов экономического и социального развития предприятий, районов, городов и т. д.

Положительный опыт такого планирования накоплен и многими партийными организациями Узбекистана. Так, ряд райкомов партии г. Ташкента разработали и осуществили в десятой пятилетке комплексные планы идеологических мероприятий, направленных на дальнейшее совершенствование системы коммунистического воспитания трудящихся. Вопросам развития дружбы и сотрудничества советских народов уделено, в частности, большое внимание и в комплексном плане коммунистического воспитания трудящихся Ангренского района Ташкентской области, составленном с помощью ученых АН УзССР¹².

Определенный опыт перспективного планирования интернационального воспитания молодежи накоплен комсомольскими организациями республики. В 1979 г., накануне 110-летия со дня рождения В. И. Ленина, ЦК ЛКСМУз совместно с 63 министерствами, ведомствами, организациями и творческими союзами разработал и претворил в жизнь комплексную программу коммунистического воспитания молодежи.

Опыт партийных, советских, комсомольских и других общественных организаций республики по перспективному планированию интернационального воспитания показывает, что это не узкий перечень вопросов, выносимых на бюро, пленумы, собрания актива. В них находит отражение комплекс мер, намечаемых государственными и общественными организациями в данном направлении. Так, в разделе комплексного плана идеологической работы Андижанского обкома партии по интернациональному воспитанию трудящихся намечались: подготовка научно-практической конференции; организация выставок; освещение теории и практики социалистического интернационализма в газетах и по радио; проведение митингов дружбы народов СССР; закладка фундамента памятника «Дружбы народов»; прием делегаций из братских союзных республик и Народной Республики Болгарии (с Ямболским округом НРБ Андижанская область соревнуется более 20 лет) и т. д.¹³

Опыт комплексного планирования идейно-воспитательного процесса в трудовых коллективах и нерешенные проблемы в этой области подверглись глубокому анализу на XI пленуме ЦК КПУз, где, в частности, отмечалось, что недостатки в планировании идейно-воспитательной работы, указанные в решениях июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС, полностью относятся и к деятельности партийных организаций республики; что в комплексных планах коммунистического воспитания трудовых коллективов и учебных заведений отдельные разделы логически не связаны, а перечень мероприятий порою определяется лишь сложившейся в данном коллективе практикой проведения воспитательной работы. Как указывалось в докладе Ш. Р. Рашидова на пленуме, «там, где комплексные перспективные планы коммунистического воспитания представляют собой не сумму разрозненных мероприятий, а взаимосвязанный комплекс конкретных мер, там и обеспечивается достижение определенных целей и результатов»¹⁴.

Итак, правильное планирование работы по коммунистическому воспитанию в трудовом коллективе, по месту жительства и т. д.— важное условие, необходимый «инструмент» научной организации этого процесса¹⁵. Но еще более важное значение имеет соответствующая такому планированию согласованная работа общественных организа-

¹² См.: Ходжаев А. Научный анализ и обобщение в идеологической работе.— Коммунист Узбекистана, 1976, № 12.

¹³ См.: Шендрик А. П. Планирование партийной работы. Ташкент, 1982, с. 29.

¹⁴ Правда Востока, 1983 г., 5 июля.

¹⁵ См.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14—15 июня 1983 г., с. 61.

ций по реализации намеченных планом мероприятий на основе комплексного использования всех идеологических средств воздействия. Как говорилось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, нередко на местах затрачивают «массу времени на разработку многочисленных планов, которые затем остаются в столах их создателей... От подобного канцелярского стиля надо отказываться, и как можно скорее»¹⁶.

Интернациональное воспитание членов трудовых коллективов призвана обеспечивать достаточно разветвленная система идейного воздействия, включающая систему партийной, комсомольской и экономической учебы, лекционную пропаганду, деятельность народных университетов, местного радиовещания, советов ветеранов партии и труда, комиссий по идеологической работе и т. п. Все они присущими им формами, методами и средствами идейно-воспитательного воздействия способствуют процессу усвоения трудящимися идей и принципов социалистического интернационализма.

Надо, однако, чтобы каждое звено общей системы субъектов интернационального воспитания действовало в строго согласованном режиме. Это обеспечивается четкой координацией их деятельности под непосредственным руководством партийных организаций. «Вся наша система идеологической работы,— говорил К. У. Черненко в докладе на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС,— должна действовать как хорошо слаженный оркестр, где каждый инструмент имеет свой голос, ведет свою партию, а гармония достигается умелым дирижированием... Она призвана охватывать все стороны общественной жизни, все социальные группы и регионы, доходить до каждого человека. И здесь надо лучше координировать воспитательные усилия наших Советов — подлинно массовых органов государственной власти, профсоюзов, комсомола, всех общественных организаций»¹⁷.

Важное требование комплексного использования всех идеологических средств в интернациональном воспитании трудящихся — оптимальная реализация воспитательных возможностей, заложенных в каждом из этих средств. Искусство руководства идеологической работой в данном случае состоит в том, чтобы не допустить механического смещения разнообразных форм и методов, нивелировки и сведения к общему «валу» идеологических мероприятий, обеспечить сохранение «лица» каждой формы и в то же время комплексное сопряжение в достижении намеченных целей.

В разработке и осуществлении крупных, долговременных целевых программ совершенствования всей системы интернационального воспитания советских людей самую активную роль призваны играть республиканские советы по координации деятельности в области развития межнациональных связей и интернационального воспитания, созданные в Узбекистане, Азербайджане, Грузии¹⁸. Они не только обобщают опыт работы партийных и других общественных организаций в этом направлении, но и участвуют в разработке практических рекомендаций по дифференцированному подходу к интернациональному воспитанию различных категорий трудящихся, в координации всей работы, проводимой в этом направлении общественными организациями и средствами идеологического воздействия.

Таким образом, комплексный подход к делу интернационального воспитания трудящихся — это прежде всего обеспечение всесторонности, учет взаимообусловленности всех сторон процесса целенаправленного формирования и развития интернационализма социалистической личности, достижение тесной связи проводимых мероприятий воспитательного характера с объективными условиями и содержанием жизне-

¹⁶ Там же, с. 62.

¹⁷ Там же, с. 53.

¹⁸ См.: Пономарев Б. Н. Ленинская национальная политика КПСС на этапе развитого социализма и ее международное значение. Доклад на Всесоюзной научно-практической конференции 28 июня 1982 г. М., 1982, с. 27.

деятельности людей. Комплексность как требование целостного решения задач формирования интернационалистских черт людей предполагает и высокий уровень организации процесса интернационального воспитания: объединения усилий различных организаций, координации их идеологической деятельности, определения последовательности воспитательных мероприятий и т. д. Все это обеспечивает высокую эффективность работы по интернациональному воспитанию трудящихся в полном соответствии с решениями июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС и XI пленума ЦК КПУз.

А. А. ФАЙЗУЛЛАЕВ

МОТИВАЦИОННО-ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

Коммунистическая партия и Советское государство уделяют постоянное внимание вопросам формирования нового человека, всесторонне развитой личности. На XXVI съезде КПСС отмечалось: «Мы располагаем большими материальными и духовными возможностями для все более полного развития личности и будем наращивать их впредь. Но важно вместе с тем, чтобы каждый человек умел ими разумно пользоваться. А это, в конечном счете, зависит от того, каковы интересы, потребности личности. Вот почему в их активном, целенаправленном формировании наша партия видит одну из важных задач социальной политики»¹.

Изучение особенностей интересов, потребностей и других внутренних побудительных факторов поведения и деятельности людей представляет собой важнейший аспект современного человекознания. Учет мотивационно-побудительных свойств личности необходим и для эффективного решения комплекса задач, связанных с формированием нового человека.

Это с новой силой было подчеркнуто в документах июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС и XI пленума ЦК КПУз (июль 1983 г.). Ю. В. Андропов в речи на июньском Пленуме ЦК КПСС указал, что «партия добивается того, чтобы человек воспитывался у нас... прежде всего как гражданин социалистического общества, активный строитель коммунизма, с присущими ему идейными установками, моралью и интересами...»

Здесь мы рассмотрим некоторые особенности формирования мотивационно-побудительной сферы личности в онтогенезе. Мотивационная сфера человека — это сфера его побуждений и мотивов, т. е. потребностей, влечений, интересов, желаний, целей, идеалов и т. п. «Мотивация, — писал крупнейший советский психолог и философ С. Л. Рубинштейн, — это через психику реализующаяся детерминация»². В условиях научно-технической революции, обострения идеологической борьбы между двумя мировыми социальными системами интерес к проблеме мотивации поведения человека все возрастает. И это не случайно, поскольку именно решение вопроса о движущих силах поведения и деятельности людей имеет актуальнейшее научное, практическое, воспитательное и идеологическое значение.

Диалектико-материалистическая разработка проблемы мотивации основывается на ленинской теории отражения, на положении К. Маркса о социальной сущности человека. Исходя из этого, советские ученые решительно выступают против идеалистических учений о побудительных силах поведения человека, фрейдистского сведения источников активности личности лишь к инстинктивным влечениям. Мотивационные

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 63.

² Рубинштейн С. Л. Человек и мир. — В кн.: Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969, с. 370.

единицы — побуждения и мотивы — являются отражениями объективной жизнедеятельности людей. Мотивация «заклучена не только в чувствах, но и в каждом звене процесса отражения, поскольку оно всегда включает в себя и побудительный компонент. Все течение психической деятельности является процессом, в котором осуществляется мотивация человеческой деятельности предметами и явлениями окружающего мира»³.

Можно сказать, что каждая потребность, чувство, образ, мысль, психическое состояние человека способны выступить в качестве побуждения к определенной деятельности, к внешнему или внутреннему действию. Побуждения человека различаются между собой по степени значимости, силе, интенсивности, уровню осознанности. Побудительный аспект психического отражения может находиться в актуальном или потенциальном состоянии. Но побуждение — лишь один из уровней процесса мотивации, оно может преобразоваться в более сложную, собственно личностную мотивационную единицу — в мотив. Для этого побуждение должно быть осознанно и внутренне принято личностью.

Мотивационно-побудительная сфера человека усложняется, развивается на протяжении всей его жизни. Развитие — основной способ бытия личности⁴, в том числе ее мотивационной сферы. Исследователи обратили внимание на то, что в онтогенетическом становлении мотивационной сферы личности есть определенные системные тенденции. В. Г. Асеев, например, отмечает тенденцию к образованию единой, целостной мотивационной системы личности, процесс формирования которой характеризуется в основном объединением, интеграцией рядоположных, стихийно возникающих побуждений в более крупные мотивационные единицы⁵. Кроме того, благодаря работам А. Н. Леонтьева, Л. И. Божович и других советских ученых в нашей психологии утвердилось положение о том, что в дошкольном детстве различные разрозненные, ситуационно обусловленные побуждения начинают превращаться в известную иерархию, систему мотивов.

Однако механизм связи мотивационных единиц, их интеграции в систему еще недостаточно изучен. Исследование связей и отношений между мотивационно-побудительными явлениями и их генезиса позволяет уяснить ряд существенных свойств детерминации поведения человека. В этом плане в качестве методологического инструмента целесообразно обратиться к системному подходу, только на основе которого, как указывает Б. Ф. Ломов, может быть понята природа психического⁶. Системный подход не только поможет наиболее адекватно раскрыть отмеченный аспект «через психику реализующейся детерминации», но и открывает новые возможности в изучении всей сложной, многоуровневой организации мотивационной сферы личности.

Как известно, сущность системного подхода заключается в выявлении особенностей структурирования, функционирования и развития объектов исследований как целостных образований, состоящих из взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов. Важнейший признак системы — соотнесенность компонентов между собой. Акад. П. К. Анохин показал, что компоненты системы не просто взаимодействуют друг с другом, а взаимодействуют⁷. Можно ли говорить о связях или отношениях содействия между влечениями, желаниями, интересами и другими мотивационно-побудительными явлениями пси-

³ Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1976, с. 364.

⁴ Анцыферова Л. И. К психологии личности как развивающейся системы. — В кн.: Психология формирования и развития личности. М., 1981, с. 4.

⁵ Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности. М., 1976, с. 50.

⁶ Ломов Б. Ф. О системном подходе в психологии. — Вопросы психологии, 1975, № 2, с. 40.

⁷ Анохин П. К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. М., 1978, с. 66—78.

хики человека? Если да, то как они образуются? Раскрытие этого момента — путь к познанию системности мотивации поведения личности.

Анализ развития личности и ее мотивационной сферы показывает, что в процессе онтогенеза меняется характер связей и отношений между внутренними побудительными силами поведения. С точки зрения системного подхода, изменение специфики побудительных явлений и особенности их связей определяют переход от одного уровня организации мотивационной сферы к другому. По нашему мнению, в мотивационно-побудительной сфере психики человека можно выделить два иерархических уровня организации: ситуационный и личностный. Обратимся к структурным единицам и внутриуровневым связям и отношениям в мотивационной сфере личности в порядке ее онтогенетического формирования.

Человек рождается со свойственными его организму биологическими потребностями. Но ребенок с самого рождения включен в социальные связи, зависит от окружающих людей, ему в потенциальной форме присущи сложные общественные виды активности. Е. В. Шорохова правильно замечает: «Человек с самого начала есть человек, организм человека есть человеческий организм, и мозг человека есть человеческий мозг»⁸. Специфически социальные формы активности ребенка раскрываются и получают развитие в ходе его общения со взрослыми, в его дальнейшей деятельности.

С развитием поворожденного его поведение все больше подвергается влиянию ситуационно обусловленных побуждений. Это вызывается тем, что «потребности младенца все больше и больше начинают воплощаться («кристаллизироваться») в предметах окружающей действительности»⁹. С помощью взрослого ребенок овладевает функциональными значениями различных предметов, т. е. обучается употреблять их по назначению. Постепенно он учится удовлетворять свои элементарные потребности в определенное время, в определенном месте¹⁰, посредством известных ему предметов.

Иными словами, побуждения, исходящие из потребностей организма ребенка, становятся действенными лишь в рамках некоторых ситуаций. Внешняя ситуация как бы снимает, включает в свой состав биологические побуждения, выступает организующим фактором мотивации поведения. Однако ситуационные побуждения переплетаются не только с биологической активностью организма ребенка. И свои эмоциональные, познавательные, речевые потребности, свою потребность общения дети начинают удовлетворять в связи с ситуационными детерминантами.

Побуждения ситуационного характера как бы навязываются человеку извне, и любое изменение ситуации приводит к возникновению новых желаний ребенка. Взяв в руки карандаш, он пытается стучать или чертить, увидев мяч, — хочет овладеть им и т. д. Появление представлений об окружающей действительности у детей раннего возраста позволяет им в некоторой степени освободиться от влияния непосредственной, наглядно воспринимаемой ситуации. Но тем не менее вплоть до дошкольного возраста все желания и устремления ребенка остаются связанными с той или иной конкретной ситуацией.

Ситуация — это определенная целостная организация внешних условий и внутренних, психических особенностей человека. Она может быть различной по сложности — от самой элементарной, предметно выраженной до высокосоциальной. В литературе можно встретить различные классификации ситуаций. Пишут, например, о таких ситуациях,

⁸ Шорохова Е. В. О естественной природе и социальной сущности человека. — В кн.: Биологическое и социальное в развитии человека. М., 1977, с. 80.

⁹ Божович Л. И. Этапы формирования личности в онтогенезе. — Вопросы психологии, 1978, № 4, с. 28.

¹⁰ Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М., 1966, с. 420.

как медицинские, несчастные случаи, макросоциальные условия и др.¹¹ Конечно, усложнение ситуаций, в которых оказывается человек, происходит по мере включения его во все новые системы связей с окружающим миром, в ходе развития его личности. Но какими бы разнообразными ни были эти ситуации, основная характерная черта вызываемых ими побуждений — непосредственная детерминация поведения человека. Иными словами, ситуационное поведение — это поведение, непосредственно последовавшее за ситуационно обусловленным побуждением: человек в таком случае еще не выступает как субъект, регулятор своей мотивации и поведения.

Различные ситуации не соотношены между собой. Самы по себе они не выстраиваются в определенную систему и в сознании человека. Ситуационные побуждения к действиям и поступкам по существу всегда функционируют единичным образом, а не сливаются вместе. При такой их организации между ними отсутствуют иерархические отношения, упорядоченное взаимодействие. Как писал А. Н. Леонтьев, побуждения «полевого», реактивного поведения вступают друг с другом в простое взаимодействие¹². В результате различные ситуационные побуждения могут лишь хаотически усиливать или тормозить друг друга.

Взаимодействуя, ситуационные побуждения только аддитивно «накладываются» друг на друга, а не обобщаются, не создают общего качества — единой направленности поведения и деятельности человека. Характерная черта ситуационного уровня организации мотивационной сферы человека — аддитивность: свойствами отдельных побуждений можно объяснить весь уровень мотивации. Это дает нам основание утверждать, что на ситуационном уровне организации мотивационной сферы между побуждениями существуют отношения аддитивности, или рядоположности. Разнонаправленность ситуационных побуждений, их аддитивность делают поведение неустойчивым, изменчивым. Отсутствие генерализации, интегрированности на данном уровне мотивации ограничивает возможность влияния на одни побуждения человека посредством воздействия на другие. Иначе говоря, при такой мотивации нет связей регулирования и управления между разными побуждениями.

В советской психологии принято считать дошкольный возраст начальным периодом формирования личности ребенка. Для нас важно подчеркнуть, что с этого возраста ребенок начинает превращаться в субъект своей личностной мотивации. Как свидетельствуют эмпирические наблюдения, у ребенка-дошкольника появляется умение не только действовать по моральным мотивам, но и отказываться от того, что его непосредственно привлекает¹³. Иными словами можно сказать, что исходя из своих образовавшихся субъективно-личностных ценностей, ребенок начинает относиться к своим осознанным внутренним побуждениям и внешним стимулам, принимать или не принимать их в качестве мотивов поведения. Как собственно личностная форма побуждения мотив обусловлен свойствами человека как общественного индивида, ценностно-смысловыми образованиями его психической деятельности, его значимостными отношениями. Процесс принятия осознанного побуждения в качестве мотива — это соотношение побуждения со шкалой субъективно-личностных ценностей, с уже принятыми мотивами человека, его личностное осмысление. Внутреннее побуждение или внешний стимул не становятся мотивом, если человек, осознав его, не находит в нем личностного смысла для себя, не принимает его. Будучи

¹¹ Магнуссон Д. Ситуационный анализ: эмпирические исследования соотношений выходов и ситуаций. — Психологический журнал, 1983, т. 4, № 2, с. 29.

¹² Леонтьев А. Н. Психическое развитие ребенка в дошкольном возрасте. — В кн.: Вопросы психологии ребенка дошкольного возраста, М.—Л., 1948, с. 9.

¹³ Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968, с. 240.

принятым личностью, соотношенным с ее ценностно-смысловыми образованиями — убеждениями, идеалами и т. д., мотив сам начинает придавать смысл деятельности человека, превращаться в определенное мотивационно-смысловое образование психики субъекта.

В своем онтогенетическом развитии личность включается во все новые связи в системе общественных отношений. В результате у нее появляются новые обобщенные мотивы, формируются новые субъективно-личностные отношения к действительности, меняются ценности. На разных этапах жизненного пути личности наиболее значимыми для нее выступают разные мотивационно-смысловые образования. Так, в дошкольном детстве — это отношения с родителями, в младшем школьном возрасте к ним прибавляются еще и отношения с учителями. У подростка центральными мотивационно-смысловыми образованиями являются его взаимоотношения со сверстниками, его стремление познать себя, свой внутренний мир. Для юношей наиболее значимыми оказываются перспектива их дальнейшего будущего, потребность смысла жизни. Важнейший смысл для зрелой личности приобретают ее семейная, трудовая и общественная деятельность. Таким образом, личностный смысл мотива изменяется, обогащается в зависимости от того, с каким мотивационно-смысловым образованием он был соотношен.

Соотнесенность, интегрированность мотивационных явлений означает, что теперь они выступают иерархизированными компонентами определенной мотивационной системы личности. При содержательно-смысловой соотнесенности мотивационных образований их динамически-побудительные стороны будут взаимодействовать между собой. Это находит выражение во взаимоподкреплении, взаимоусилении личностных мотивационных единиц. Таким образом, мы приходим к выводу, что после принятия личностью мотив вступает в отношения системности с теми мотивационно-смысловыми образованиями, с которыми он был соотношен.

Принятый личностью мотив проявляется в деятельности совместно с интегрированными с ним мотивационными факторами. Поэтому личностный уровень организации мотивационной сферы и личностное поведение нельзя объяснить свойствами отдельных мотивов. Системные взаимоотношения между мотивами создают новое, системное качество мотивации — направленность личности в жизнедеятельности. То, что в основе личностного поведения лежит не одно аддитивное побуждение, а система мотивационных образований, обуславливает его устойчивость, последовательность. Конечно, личностное поведение нельзя оторвать от определенной ситуации. Личностное поведение может быть адекватно ситуации, но не подчинено ей.

Отношения системности, которые существуют на личностном уровне организации мотивационной сферы, обуславливают определенную взаимозависимость между обобщенными целями, интересами, желаниями, убеждениями, установками, жизненными планами человека. Взаимная соотнесенность личностных мотивов ведет к тому, что изменение одного из них отразится на функционировании других. Иначе говоря, здесь создается возможность регулирования, управления одними мотивами посредством воздействия на другие, соотношенные или соотносимые с ними мотивы.

Итак, после принятия мотива личностью ее поведение становится полимотивированным, т. е. многопричинным. Формирование новых значимых отношений, ценностей и мотивов личности расширяет границы полимотивированности ее поведения и деятельности. Чем более расширяются связи субъекта с миром, отмечает А. Н. Леонтьев, тем более они перекрещиваются между собой, и «сознание уже не может оставаться ориентирующим лишь те или иные действия субъекта, оно должно также активно отражать иерархию их связей, процесс происходящего подчинения и переподчинения их мотивов»¹⁴. А это, по

мнению А. Н. Леонтьева, требует особого внутреннего движения сознания, заключающегося в соотношении мотивов друг с другом. Таким образом, наблюдается тенденция к образованию единой системы мотивов личности, компоненты которой непосредственно или опосредованно соотношены между собой. При этом личность, конечно, может и не осознавать все связи своих мотивов, т. е. не всегда знать всю широту мотивации своего поведения.

Не следует отождествлять систему мотивов или системные отношения между мотивационными явлениями с гармонией мотивационной сферы личности. Противоречивые отношения могут существовать как в самой системе мотивов, так и между различными системами мотивов, образовавшихся в разных сферах жизнедеятельности личности. Формирование мировоззрения, обобщенных целей и смысла всей жизни личности открывает новые возможности ко все большей интеграции различных систем мотивов в единой системе.

Выше мы главным образом рассмотрели внутриуровневые взаимоотношения в мотивационной сфере личности. Однако отмеченные уровни организации мотивационной сферы человека не обособлены друг от друга, между ними нет резкой границы, имеется постоянная связь. В мотивационной сфере человека ведущим выступает личностный уровень, а межуровневые взаимоотношения осуществляются по иерархическому принципу. В самом превращении компонента ситуационного уровня мотивации — побуждения в компонент личностного уровня мотивационной сферы, т. е. в мотив, имеют место межуровневые взаимоотношения. Например, чтобы принять одно побуждение в качестве мотива, человеку подчас необходимо подавить другие свои побуждения, противоречащие первому. Для этого субъект старается привлечь весь личностный уровень организации своей мотивационной сферы, использует его смысловые и динамические системные особенности. Таким образом, системные и аддитивные свойства различных уровней организации мотивационно-побудительной сферы личности играют важную роль в их взаимоотношениях, в жизнедеятельности человека.

Следует отметить и необходимость относительной самостоятельности функционирования уровней организации мотивационной сферы личности. Так, в жизни человека нет нужды постоянного контроля, смысловой интеграции всех ситуационных побуждений. Даже зрелая личность в своей жизнедеятельности не может обходиться без быстро актуализирующихся ситуационных побуждений и ситуационного поведения. Но функция ситуационных побуждений должна ограничиться операциональным обслуживанием деятельности человека, а не распространяться до уровня детерминации личностных поступков. Одним словом, для адекватной жизнедеятельности человека как личности необходима функциональная иерархия уровней организации его мотивационной сферы.

Итак, мы рассмотрели некоторые особенности системно-уровневого формирования мотивационной сферы личности — побудительного, направляющего и смыслообразующего аспекта ее психической деятельности. Опираясь на идеи системного подхода, мы попытались показать, как образуются мотивационно-побудительные единицы и меняются отношения между ними в процессе онтогенетического развития личности. Знание отмеченных системных и аддитивных свойств мотивации, как нам представляется, будет способствовать более адекватному пониманию движущих сил поведения личности, повышению эффективности управления воспитательным процессом.

¹⁴ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977, с. 211—212.

А. Г. КАГРАМАНОВ

ЛИШЕНИЕ ПРАВА ЗАНИМАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ ИЛИ ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ КАК ВИД ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО НАКАЗАНИЯ

К числу важнейших задач науки советского уголовного права относится разработка проблем индивидуализации наказания с тем, чтобы в каждом случае оно назначалось с учетом всей совокупности обстоятельств дела, характера и степени общественной опасности содеянного, личности виновного, чтобы наиболее эффективно обеспечивались исправление и перевоспитание осужденного, равно как и достижение целей общей превенции.

В выполнении этих задач важную роль играет назначение судом в предусмотренных законом случаях дополнительных наказаний, в частности лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Как показывает анализ судебной практики, этот вид дополнительного наказания имеет широкое применение и оказывает эффективное карательно-воспитательное воздействие на лиц, виновных в совершении преступлений, связанных с выполнением должностных обязанностей или профессиональных функций, способствует профилактике рецидива.

Согласно ст. 26 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 21 УК УзССР), это наказание может быть назначено судом и в качестве основного, и в качестве дополнительного. Основы устанавливают максимальный срок данного наказания — пять лет. Однако УК союзных республик, воспроизводя текст ст. 26 Основ, по-разному определяют минимальный срок, а главное — сферу применения этой меры в качестве основного и дополнительного наказания. В частности, по УК УзССР (ст. 28), минимальный срок — 1 год.

Этому наказанию, в соответствии с его смыслом и прямым указанием уголовного закона, подвергаются не только должностные, но и другие лица, занятые в сфере торговли, бытового обслуживания, общественного питания, словом, совершающие преступления, связанные с занимаемой должностью или с определенной социально полезной и необходимой деятельностью. Отсюда и специфическое содержание, направленность и сущность рассматриваемой меры уголовно-правового принуждения.

Сущность данного вида наказания состоит в отстранении осужденного от выполнения обязанностей, связанных с занятием определенной должности или определенной деятельностью, и лишении его права на этот род деятельности в течение срока, определенного приговором суда.

Лишение права занимать определенные должности означает необходимость увольнения работающего с той должности, занимать которую ему запрещено судом, и одновременно запрещение занимать такую же или аналогичную должность в другом месте.

При лишении права заниматься определенной деятельностью суть наказания выражается в запрещении заниматься ею в качестве профессиональной либо иной деятельностью, не ограниченной, однако, рамками одной профессии. При этом запрещение определенного рода деятельности не распространяется на запрет работы в той или иной отрасли народного хозяйства, а лишь предполагает конкретные должности, которые осужденный не вправе занимать, или вид деятельности, которой ему запрещается заниматься.

Действующее уголовное законодательство союзных республик по-разному определяет сферу применения указанной меры в качестве основного наказания. Так, в УК РСФСР оно указано в санкциях шести статей, предусматривающих ответственность за: хищение государственного или общественного имущества путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением; причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием; обман покупателей и заказчиков; выпуск в продажу недоброкачественных продуктов и т. д.

Кроме того, рассматриваемое наказание предусмотрено в качестве основного за служебный подлог (ст. 182 УК КиргССР, ст. 172 УК УССР); за отказ в приеме на работу беременных женщин (ст. 134 УК УССР); за нарушение правил торговли спиртными напитками (ст. 156 УК БССР); за неоказание больному медицинской помощи (ст. 136 УК ЭстССР) и т. д. Во всех этих случаях законодательство союзных республик устанавливает «лишение права» в качестве санкции, альтернативной лишению свободы и исправительным работам, предоставляя суду достаточно широкие возможности для выбора наиболее целесообразного в каждом конкретном случае вида наказания, соответствующего общественной опасности совершенного преступления и совокупности данных, характеризующих личность виновного. Во всех остальных случаях «лишение права» может быть назначено лишь в качестве дополнительной меры наказания.

Иначе решается этот вопрос в УК УзССР, где из 12 статей, упоминающих об этой санкции, «лишение права» в качестве основной меры наказания предусмотрено только в ст. 102 ч. 1 (незаконное производство аборта), ст. 118¹ (причинение ущерба путем обмана или злоупотребления доверием) и в ст. 177 ч. 1 (обман покупателей и заказчиков). В остальных статьях «лишение права» названо лишь в качестве дополнительной меры наказания (ст.ст. 117, 118, 177, 180, 181, 208, 208¹, 209, 216³, 216⁸ УК УзССР).

Как будет показано ниже, сложившееся законодательное регулирование возможности назначения рассматриваемого наказания как основного и дополнительного едва ли является совершенным, в связи с чем возникает вопрос о необходимости внесения изменений в Особенную часть уголовного законодательства.

Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как основное и дополнительное наказание, согласно закону, может быть назначено в тех случаях, когда по характеру совершенных виновным преступлений, связанных с занятием должности или определенной деятельностью, суд признает невозможным сохранение за ним права заниматься этой деятельностью или занимать соответствующую должность. Вместе с тем условия применения «лишения права» как основного наказания существенно отличаются от возможности назначения этого наказания в качестве дополнительного.

Так, в качестве основного наказания «лишение права» может быть назначено судом, если оно прямо предусмотрено в санкции той статьи УК, по которой осуждается виновный. Что касается назначения этого наказания в качестве дополнительного, то такого условия законодательство не называет и, как разъяснил Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 6 от 29 августа 1980 г., это дополнительное нака-

знание суд вправе назначить и тогда, когда такая мера не указана в санкции закона либо названа в ней как одна из основных мер наказания, но не избрана подсудимому в этом качестве¹.

Происходящие в общественной жизни социальные изменения отражаются в изменяющихся формах и разновидностях преступной деятельности. В этих условиях борьба со специфическими по своему характеру преступлениями, связанными с использованием занимаемой должности или занятием определенной деятельностью, вызывает необходимость более широкого применения специфических мер уголовно-правового принуждения.

С этой позиции не может оставаться неизменной традиционная сравнительная оценка относительной тяжести различных видов наказаний, вытекающая из их расположения в «лестнице» наказаний, закрепленной в уголовном законе (ст. 21 УК УзССР). Такая оценка особенно важна для решения сложной проблемы соотношения основного и дополнительного наказания, где одним из исходных положений считается требование большей тяжести основного наказания.

Так, сейчас уже нельзя безоговорочно признавать исправительные работы более тяжким наказанием, чем «лишение права»². Наоборот, ряд специальных исследований показывает, что зачастую именно «лишение права» оказывается для осужденных более тяжелым наказанием, чем исправительные работы, назначенные в качестве основного наказания³. Иначе говоря, реальное «лишение права» ведет к тому, что осужденный фактически испытывает подчас более тяжелые лишения материального и морального характера, чем при отбывании исправительных работ. При этом к числу моральных факторов относятся не только необходимость приобретения новой профессии, квалификации или сама по себе смена занимаемой должности, но и престижные соображения, связанные с оценкой назначенного наказания в виде «лишения прав» не только в сознании самого осужденного, но и в групповом сознании его окружения.

Наряду с иными правоограничениями материального характера, перечисленные лишения надо иметь в виду и при оценке механизма предупредительного воздействия такого рода наказаний. При совершении должностных преступлений такое воздействие затрагивает сферу не только материальных интересов и ценностей осужденных, но и значимые для них моральные факторы — их положение и роль в системе сложившихся отношений. Поэтому угроза потери должности может быть для них куда более важным сдерживающим фактором, чем наказание в виде исправительных работ (особенно по месту работы) и даже краткосрочное лишение свободы⁴. Здесь, в конечном итоге, реальная тяжесть наказания фактически зависит от личностных особенностей осужденного, его ценностных установок и ориентации. Не следует только упускать из виду, что последние, как и сравнительная тяжесть различных наказаний, — величины переменные, зависящие от изменений в социально-экономической сфере, сознании правонарушителей и законопослушных граждан. При назначении наказания в виде «лишения права» необходимо четко конкретизировать вид деятельности, которой осужденному запрещается заниматься. При этом недопустимо смешивать запрещение соответствующего вида дея-

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1980, № 5, с. 16.

² См.: Кондрашков Н. Н. Меры наказания в законе и на практике.— Социалистическая законность, 1969, № 2, с. 23.

³ См.: Сергеев В. Необходимо законодательное урегулирование.— Советская юстиция, 1962, № 17, с. 23; Махоткин В. П. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.— В кн.: Наказания, не связанные с лишением свободы, М., 1972, с. 66—67.

⁴ См.: Квашис В. Е. Правовые и социально-психологические аспекты наказания за неосторожность.— Советское государство и право, 1977, № 3; Михлин А. С. Имущественные наказания — альтернатива лишению свободы за менее опасные преступления.— Советское государство и право, 1981, № 6, с. 91.

тельности с запрещением работать в той или иной отрасли народного хозяйства.

Пленум Верховного Суда СССР в п. 6 постановления № 6 от 29 августа 1980 г. указал: «В соответствии со ст. 26 Основ уголовного законодательства в каждом случае совершения лицом преступления, связанного с исполнением обязанностей по должности или при занятии определенной деятельностью, суд обязан, учитывая характер совершенного преступления, обсудить вопрос о лишении осужденного права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. При назначении этого наказания в резолютивной части приговора должности либо вид деятельности должны быть обозначены конкретно. Недопустимо, в частности, лишать подсудимого права работать в той или иной отрасли народного хозяйства без определения круга должностей, занимать которые он не вправе».

Поскольку на практике лишение права занимать определенные должности применяется гораздо чаще, чем лишение права заниматься определенной деятельностью, вполне очевидна важность точных формулировок правоограничений, устанавливаемых для осужденного в приговоре суда.

Одно из обязательных условий назначения рассматриваемого наказания — совершение лицом преступления, непосредственно связанного по своему характеру с выполнением им своих служебных полномочий, профессиональных обязанностей⁵. Между тем установление этой непосредственной связи на практике вызывает определенные затруднения.

Как показывает изучение судебной практики, нередко лишение права занимать ту или иную должность применяется к лицу, совершившему преступление, непосредственно не связанное с его служебной либо профессиональной деятельностью⁶. В частности, такие ошибки допускаются в случаях, когда в санкции статьи Особенной части УК имеется прямое указание на характер должностей или вид деятельности, на занятие которыми может быть наложен запрет, а суд лишает виновного права занимать иные должности. Так, Ташкентским горсудом Г. был осужден по ст. 209¹ УК УзССР за выпуск в эксплуатацию заведомо технически не исправного транспортного средства к трем годам лишения свободы условно с обязательным привлечением к труду. Суд лишил его также права управлять транспортными средствами на два года. Между тем санкция ст. 209¹ УК УзССР, по которой осужденный был признан виновным, предусматривает дополнительное наказание в виде лишения права занимать должности, связанные с ответственностью за техническое состояние или эксплуатацию транспортных средств.

В целях устранения подобных недостатков в судебной практике Пленум Верховного Суда СССР в п. 7 постановления от 29 августа 1980 г., в частности, разъяснил, что если в санкции статьи уголовного закона содержится указание о характере должностей либо виде деятельности или перечислены предприятия, в которых лицо может быть лишено права занимать определенные должности (например, ст.ст. 177, 181¹ УК УзССР; ст.ст. 156, 156¹ УК РСФСР), решение о назначении дополнительного наказания по таким статьям в резолютивной части приговора должно соответствовать указанию закона.

При всей важности отражения дополнительным наказанием характера и степени общественной опасности деяния существенное значение в этих случаях имеют данные о личности виновного. В этой связи уместно отметить следующее. В УК РСФСР из общего числа санк-

⁵ См.: Тютюгин В. И. Назначение наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Харьков, 1976, с. 12.

⁶ См.: Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР 1964—1972. М., 1973, с. 96—97.

ций в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью это наказание в 73% является факультативным и лишь в 27% обязательным, а в УК УзССР — соответственно 40 и 60%. Очевидно, заслуживает обсуждения вопрос о возможности расширения числа санкций УК УзССР, где «лишение права» было бы предусмотрено в качестве факультативного, а не обязательного дополнительного наказания.

Надо сказать, что различия в уголовном законодательстве союзных республик в данном случае относятся к числу тех, которые «определяются не столько национально-историческими особенностями, сколько особенностями развития юридической мысли на местах, которые только частично могут быть объяснены с национально-исторических позиций»⁷.

Как справедливо отмечал Г. А. Ахмедов, нельзя отмахнуться «от особенностей, нюансов в построении уголовных кодексов и в содержании отдельных их норм. Однако главным, определяющим в советском уголовном законодательстве являются не различия, а принципиальная общность и единообразие в решении важнейших вопросов уголовного права»⁸.

Надо признать, что широкие возможности факультатива в рассматриваемом случае определяются в значительной мере необходимостью всестороннего учета судом личностных особенностей виновного. От этого во многом зависит и эффективность «лишения права» как дополнительного наказания.

Между тем в правовой литературе порой встречается и другая точка зрения, согласно которой необходимо расширить перечень уголовно-правовых норм, предусматривающих «лишение права» в качестве обязательного дополнительного наказания. Так, по мнению Г. А. Кригера и Г. Л. Кригер, такое решение целесообразно относительно санкций ст.ст. 85, 152, 152¹, 157, 160, 170, 172, 175 УК РСФСР⁹.

По соображениям, приведенным выше, с такими предложениями трудно согласиться. Целесообразность предлагаемого авторами решения сомнительна и потому, что, как уже отмечалось, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может быть назначено как дополнительное наказание и в том случае, когда оно не упоминается в санкции соответствующей статьи Особенной части УК.

Нельзя упускать из виду и более общие соображения. Как известно, объективное свойство дополнительного наказания состоит в том, что оно усиливает тяжесть наказания в целом. Поэтому актуально проведение такой общей линии, при которой расширение сферы применения дополнительных наказаний не привело бы к ужесточению наказания в целом, к нарушению принципа экономии карательных средств в борьбе с преступностью.

Вместе с тем существует и другая крайность — необоснованное неприменение этой меры даже в тех случаях, когда она является обязательным дополнительным наказанием. Как отмечено в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 29 августа 1980 г., при рассмотрении дел о хищениях государственного или общественного имущества, о должностных, хозяйственных или иных преступлениях, совершенных с использованием тех или иных должностных полномочий либо при занятии определенной деятельностью, суды не всегда обсуждают вопрос о лишении виновных права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Так, в целом

⁷ Никифоров Б. С. Предисловие к кн.: Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. М., 1968, с. 13.

⁸ Ахмедов Г. А. Компетенция союзной республики в области уголовного законодательства. Ташкент, 1972, с. 19—20.

⁹ См.: Кригер Г. А., Кригер Г. Л. О дополнительных мерах наказания.— Советская юстиция, 1972, № 1, с. 15.

по стране в 1979 г. права занимать определенные должности было лишено всего 17,6% лиц, осужденных за злоупотребление властью или служебным положением, а в отдельных союзных республиках — еще меньше: в Белоруссии — 9,1%, в Узбекистане — 7,4%, а в Казахстане — лишь 3,2% осужденных, к которым на основе Общей части УК союзных республик эта дополнительная мера могла быть применена¹⁰.

Обращают на себя внимание и крайне невысокие показатели применения «лишения права» к осужденным за обман покупателей без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 177 УК). Следует иметь в виду, что назначение дополнительной меры в этих случаях особенно важно, ибо часто за такого рода преступление в качестве основного наказания назначаются исправительные работы по месту работы осужденных. Недостаточное внимание к назначению рассматриваемого дополнительного наказания отрицательно сказывается на профилактике специального рецидива со стороны этих осужденных.

О недостаточном внимании судов к назначению дополнительного наказания в виде «лишения права» свидетельствует и довольно редкое применение его на основе норм Общей части УК. Зачастую суды, ориентируясь лишь на санкцию статьи УК, по которой подсудимый признается виновным, вообще не касаются вопроса о назначении дополнительного наказания, исходя из того, что в санкции данной статьи об этих мерах ничего не говорится.

Сказанное относится и к тем далеко не редким случаям, когда виновные осуждаются по статьям УК, санкции которых содержат указание на факультативный характер применения «лишения права» как дополнительной меры наказания. Это особенно заметно при анализе практики применения «лишения права» по делам о нарушениях правил безопасности движения транспорта (ст. 208 УК УзССР). Хотя возможность применения этой меры зафиксирована в санкциях каждой части указанных статей УК союзных республик, на практике применение дополнительного наказания в виде лишения виновного права управлять транспортными средствами за последние пять лет составило: к осужденным по ч. 1 ст. 208 УК УзССР — 34—37%, по ч. 2 — 43—49%, по ч. 3 — 52—59%¹¹.

Как видим, даже за наиболее тяжкие по своим последствиям автотранспортные преступления права управлять транспортными средствами лишаются чуть более половины всех осужденных.

Наконец, следует указать и на то, что зачастую «лишение права» не назначается даже при осуждении по статьям уголовного закона, предусматривающим эту меру в качестве обязательного дополнительного наказания, при отсутствии условий, указанных в ст. 37 Основ уголовного законодательства (ст. 42 УК УзССР). В результате, например, за хищение государственного или общественного имущества в крупных размерах (ч. 3 ст. 92 УК РСФСР; ч. 3 ст. 118 УК УзССР) дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в течение ряда лет назначалось лишь 45—48% осужденных¹².

Разумеется, и «лишение права» как дополнительная мера наказания может быть эффективным только при условии реального его исполнения. Между тем на практике имеются случаи, когда лица, осужденные к наказаниям, не связанным с лишением свободы, скрывают факт назначения им этой меры дополнительного наказания и поступают на работу, связанную с занятием должности или с деятельностью, заниматься которой им запрещено приговором суда.

Раньше такие действия не влекли какой-либо ответственности ни для осужденного, ни для лица, принявшего его на работу. При обна-

¹⁰ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1981, № 3, с. 36.

¹¹ См. там же, с. 34.

¹² См.: Михлин А. С. Указ. статья, с. 91—92.

ружении подобных фактов осужденный подлежал лишь увольнению. Ныне этот пробел в законодательстве восполнен. Указом Президиума Верховного Совета УзССР от 31 декабря 1982 г. УК УзССР дополнен специальной статьей 166², которая устанавливает уголовную ответственность за неисполнение приговора суда о лишении права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

По ч. 1 этой статьи штрафом до 200 руб. карается неисполнение приговора суда в этой части самим осужденным. Преступление это состоит в сокрытии лицом факта осуждения к указанной мере наказания при поступлении на работу либо в занятии соответствующей деятельностью не в связи с исполнением служебных обязанностей. Например, управление транспортным средством лицом, которое лишено такого права в связи с осуждением по ч. 1 ст. 208 УК УзССР.

По ч. 2 ст. 166² УК УзССР, штрафом до 300 руб. или увольнением от должности караются пользующиеся правом приема на работу и увольнения должностные лица, которые, несмотря на наличие вступившего в законную силу приговора, принимают на работу лицо, лишенное права занимать соответствующие должности или заниматься определенной деятельностью. Такая ответственность, разумеется, наступает, если действия виновного носили умышленный характер и ему было известно о том, что поступающий на работу осужден к «лишению права».

Применение данной нормы на практике будет, безусловно, способствовать повышению эффективности рассматриваемой меры наказания.

А. Г. Қахрамонов

**ҚУШИМЧА ЖАЗО СИФАТИДА МАЪЛУМ КАСБИНИ ЭГАЛЛАШ ЕКИ
МАЪЛУМ ФАОЛИЯТДА ХИЗМАТ ҚИЛИШ ҲУҚУҚИДАН МАҲРУМ ЭТИШ**

Мақолада ҳукм этилганларни маълум мансабдан ёки маълум фаолият билан шуғулланишдан маҳрум этиш практикаси ва ҳуқуқий нормаларини янада такомиллаштиришга бағишланган.

Т. Ю. Гречкина

**К МЕТОДИКЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ**

Культурный слой палеолитической стоянки со всеми составляющими его элементами служит самым полным источником для понимания древнейшего прошлого человечества вообще и реконструкции такой важной стороны его жизни, как производственная деятельность, в частности. Количество и качество информации, получаемой при исследовании остатков культурного слоя, зависит прежде всего от методов, применяемых при изучении археологического материала. В свою очередь, выбор метода определяется задачей, которую ставит перед собой исследователь. Здесь мы попытаемся проследить истоки и формирование планиграфии и ремонтажа как методов, применение которых дает ценную информацию о производственной деятельности верхнепалеолитического человека, технике обработки камня, размещении различных по качественному содержанию участков на поселении.

Советская палеолитическая школа всегда отличалась особым вниманием к археологическим объектам как материальным свидетельствам прошлого, способным служить источником для его воссоздания. Уже в первых работах основоположников советской палеолитической школы: В. А. Городцова, П. П. Ефименко, С. Н. Замятина, Г. А. Бонч-Осмоловского¹ — исследованию подвергались не отдельные находки,

¹ Бонч-Осмоловский Г. А. Грот Кник-Коба.— Палеолит Крыма. вып. I, М.—Л., 1940; Городцов В. А. Тимоновская стоянка.— Труды Института антропологии, этнографии и археологии. М., вып. 3, 1935; Ефименко П. П. Палеолитические стоянки Восточно-Европейской равнины.— Труды II Международной конферен-

а археологический слой в целом. Выработанная ими методика раскопок широкими площадями, доскональное исследование всех элементов слоя, точная фиксация всех культурных остатков до сих пор признаются не только у нас, но и за рубежом значительным достижением советской археологии².

Но при всех достижениях первобытной археологии в те годы в публикациях можно отметить строго определенную схему, которая заключается в описании местонахождения и топографии памятника, его стратиграфии, кремневых и костных остатков. Еще не настало время для подробного анализа всех, даже самых мелких, невыразительных элементов слоя. Не производилось количественно-качественной характеристики отдельных участков, не делалось попытки проанализировать и объяснить связи между ними.

Большой вклад в развитие палеолитоведения внес Г. А. Бонч-Осмоловский, выдвинув идею комплексного подхода к изучению древних стоянок. Она заключалась в исследовании палеолитических памятников представителями таких наук, как антропология, палеонтология, геология и др., что позволяло всесторонне проанализировать не только сам памятник, но и условия его существования: климат, флору, фауну, т. е. рассмотреть жизнь первобытного человека на фоне окружающей природной среды. Такой подход должен был способствовать более полной реконструкции истории развития первобытного общества. Кроме того, в работах Г. А. Бонч-Осмоловского наиболее ярко и полно выразилась идея нового подхода к самому археологическому материалу. Отмечая, что «вопрос стоит не в плоскости накопления и без того обильных фактических данных, а в новом методе научной оценки этих данных, в новом взгляде на них и новых требованиях, предъявляемых археологическим материалом», он писал: «В основу должен быть положен принцип, что палеолитические материалы служат не самостоятельной целью исследования, а источником научной реконструкции первоначальных этапов развития человеческого общества. По своим условиям сохранности они представляют в этом отношении большие возможности. Орудия труда, чаще всего встречающиеся в стоянках палеолитического человека, позволяют, прежде всего, восстановить те производственные и хозяйственные условия, которые являются основой всей общественной жизни. Правда, камень и кость представляют собой только часть технического снаряжения того времени, притом часть, получаемую нами в бездейственном, неподвижном виде. Только путем логических посылок и отдельных сопоставлений можно оживить, или, иначе говоря, замкнуть разорванные звенья производственных процессов и восстановить роль тех и других орудий»³.

Теоретические построения Г. А. Бонч-Осмоловского основывались на разработанной им методике фиксации археологического материала, особенно бытовых деталей, как скопления костей, ямки и т. д., которые непременно вскрывались полностью. При раскопках он обращал внимание на распределение культурных остатков в слое, производил анализ количественного распределения кремневых артефактов по участкам, сопоставлял их с распределением костных остатков. На основании такого анализа на площади стоянки выделялись различные по своему хозяйственному или техническому назначению участки. Кроме того, количественное распределение кремня связывалось с такими элементами слоя, как ямки и очаги, устанавливалось их возможное назначение⁴. По сути дела, метод его работы можно назвать планиграфическим в современном значении этого слова.

ции АИЧПЕ, вып. V, М.—Л., 1934; Замятин С. Н. Раскопки у с. Гагарино.— Палеолит СССР, М.—Л., 1935.

² См., напр.: Audouze F. and Leroi-Gourhan A. France a continental insularity.—World archaeology, v. 13, N 2, 1981.

³ Бонч-Осмоловский Г. А. Итоги изучения крымского палеолита.— Труды II Международной конференции АИЧПЕ, вып. V, с. 117—118.

⁴ Там же; его же. Грот Кник-Коба.

К вопросу о хозяйственной деятельности в каменном веке возвращается в 1960 г. С. Н. Замятнин⁵. Прежде всего он указывает на отсутствие в советской археологической литературе работ, посвященных непосредственно экономике верхнепалеолитического общества. Обобщая источники, которыми располагает первобытная археология в этой области, он рассматривает как отдельные группы археологического материала (каменные и костяные орудия, кости животных, предметы первобытного искусства), так и поселение в целом. Его идея о том, что «устройство и планировка жилищ, характерная картина накопления отбросов, варьирующие как во времени, так и в пространстве, могут сообщить много важных и интересных штрихов, какие не отображены ни в каком другом материале»⁶, — очень близка по смыслу к идеям, высказанным ранее Г. А. Бонч-Осмоловским.

В 60—70-е годы в советской археологии появляется ряд статей, в которых сделаны попытки реконструкции форм хозяйства первобытного человека. В этих работах основным источником осознания различных аспектов жизни первобытного общества продолжает служить непосредственно кремневый и костный инвентарь стоянок, без подробного анализа его пространственного распределения в пределах слоя⁷. Тогда же появляются работы и американских ученых С. А. Бинфорда и Л. Р. Бинфорд⁸, которые пытаются объяснить специфику инвентаря стоянок, традиционно связываемую с отличающимися друг от друга археологическими культурами, различиями в деятельности человеческих групп.

Как любое новое направление, оно вызывало ряд критических замечаний. В. П. Любин, критикуя точки зрения Бинфордов, указывает, что «там, где особенности сезонной и специализированной деятельности находили отражение в инвентаре нескольких памятников одной культуры, они ни в коем случае не подавляли главного: технико-типологического единства этих памятников»⁹. Подробно разбирая работы Бинфордов, французские археологи Ф. Борд и Д. Сонвий-Борд показывают, что не существовало в чистом виде даже таких однофункциональных памятников, как мастерские. На примерах стоянок, раскопанных во Франции, они доказывают существование в одном культурном слое как свидетельств получения заготовок для орудий (мастерские), так и изготовления самих орудий, а также мест их использования¹⁰. Говоря о специализированных наборах орудий для различной деятельности, Ф. Борд и Д. Сонвий-Борд связывают их не с разными специализированными стоянками, а с разнообразными видами деятельности внутри одной стоянки.

Таким образом, культурный слой археологических памятников служит не только источником для различных реконструкций, но и предметом бесконечных споров. Как показывает история развития археологии, необходимо всестороннее комплексное изучение археологического материала, полученного из слоя. Увлечение какой-либо одной стороной автоматически приводит к тому, что от внимания исследователя могут ускользнуть важные, но на первый взгляд, незначительные детали. Только всестороннее изучение культурных остатков дает воз-

⁵ Замятнин С. Н. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита.— Труды Института этнографии АН СССР, новая серия, т. 54, М.—Л., 1960.

⁶ Там же, с. 82.

⁷ Бибииков С. Н. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита.— Советская археология, 1969, № 4; Рогачев А. Н. Каменные орудия как исторический источник.— КСИА, № 137, М., 1973.

⁸ Binford L. R. and Binford S. A. A preliminary analysis of functional variability in the Mousterian of Levallois facies. — American anthropologist, v. 68, N 2, pt. 2, 1966.

⁹ Любин В. П. О появлении локальных различий в нижнем палеолите.— Успехи среднеазиатской археологии, вып. 2, Л., 1972, с. 21.

¹⁰ Bordes F. and de Sounville-Bordes D. The significance of variability on palaeolithic assemblages. — World archaeology, v. 2, N 1, 1970.

возможность получить максимум информации и обеспечить в какой-то степени взаимопроверяемость выводов.

Идеи Г. А. Бонч-Осмоловского и С. Н. Замятнина об исследовании не только отдельных элементов слоя, но и их взаимосвязи, взаимообусловленности, получившие название планиграфического анализа, продолжают успешно развиваться советскими исследователями. Прежде всего надо отметить работы И. Г. Шовкопляса. Им было введено в археологию понятие хозяйственно-бытового комплекса и составляющих его объектов¹¹, отмечено, что разнообразный и специализированный кремневый инвентарь характерен лишь для отдельных комплексов стоянки¹². При анализе культурного слоя таких памятников, как Добраничевка, Мезень, Радомышль, им выделяются центр и периферийная части стоянки, подробно рассматриваются хозяйственно-бытовые комплексы как сумма взаимосвязанных производственных, бытовых, хозяйственных объектов и жилищ, составляющих единое целое в жизни обитателей стоянки¹³. Такой подход позволил ему не только сделать интересные выводы о производственной стороне жизни первобытных людей, заселявших стоянку, но и перейти к социальным реконструкциям. К сожалению, кремневый и костный инвентарь он продолжает рассматривать в сумме, без учета его пространственного распределения по площади стоянки.

Среди зарубежных работ, дающих образцы применения планиграфического анализа, выделяются монография Г. Ганича, посвященная исследованию стоянки Гронч¹⁴, а также монографии А. Леруа-Гурана (совместно с М. Брейзионом), посвященные изучению стоянки Пенсеван¹⁵. В этих работах обобщаются отдельные попытки извлечения информации из различных категорий культурных остатков слоя. Вместо традиционных направлений в археологии, когда основное внимание уделяется типологии инвентаря и выявлению культурной принадлежности памятника при общей его хозяйственной характеристике, на первый план выдвигается тщательный анализ самого культурного слоя. Это позволяет ставить и решать связанные с экономикой древнего общества вопросы, а также обсуждать проблему продолжительности обитания на той или иной стоянке.

Одна из работ А. Леруа-Гурана посвящена собственно структурам обитания¹⁶. Исходя из того, что развитие наших знаний потребовало изучения новых проблем, связанных с историей первобытного общества, а решение этих проблем опирается на все тот же источник — культурный слой стоянки, А. Леруа-Гуран видит задачу археолога в выделении на площади стоянки различных структур (разнотипные очаги, ямы, скопления отходов) и определении связей между ними. Это позволяет провести функциональную дефиницию различных частей стоянки — площадь отдыха, места обработки камня и кости, места для хранения запасов пищи. Демонстрацией применения такого метода исследования стали уже упоминавшиеся выше раскопки Пенсевана.

Методика А. Леруа-Гурана имеет своих последователей как во Франции, так и в других странах. Из французских работ можно наз-

¹¹ Шовкопляс И. Г. Добраничевская палеолитическая стоянка.— КСИИМК, вып. 59, М., 1955, с. 33.

¹² Шовкопляс И. Г. Раскопки Мезенской палеолитической стоянки.— КСИИМК, вып. 63, М., 1966, с. 38.

¹³ Шовкопляс И. Г. Хозяйственно-бытовой комплекс позднего палеолита. Его состав и назначение.— ВКичП, № 47, М., 1977, с. 117.

¹⁴ Hanitzsch H. Die Spätmagdalenien Station Groitzsch bei Eilenburg (Taundplatz A).—Forschungen zur vor- und frühgeschichte. N 2. Varia prachistorica, Leipzig, 1957.

¹⁵ Leroi-Gourhan et Brézillon. L'habitation Magdalénienne N 1 de Pincevent près Montreau.— Gallia préhistoire, t. IX, 1966; Leroi-Gourhan A. et Brézillon. Fouilles de Pincevent. Essai d'analyse ethnographique d'un Habitate magdalénien (la section 36).—VIII supplément a «Gallia préhistoire», 1972.

¹⁶ Leroi-Gourhan A. Les structures d'habitat au Paléolithique supérieur. — La Préhistoire France, t. I, 1976.

вать публикацию И. Таборена, посвященную стоянке Этьоль¹⁷, по структуре культурного слоя, во многом схожей со стоянкой Пенсеван. Такой же анализ распределения кремня на площади мастерской в Бенаже позволил не только дать ей подробную характеристику, но и выявить два различных по своей цели места работы: пункт подготовительного расщепления и пункт изготовления резцов¹⁸.

В советской археологической науке этот новый подход, получивший название планиграфического метода, успешно разрабатывается Н. Б. Леоновой¹⁹. В результате планиграфического анализа, примененного к культурным слоям различных палеолитических памятников, было выявлено существование определенных закономерностей в пространственном распределении кремня по площади стоянки, установлено наличие различных по качественному содержанию структур внутри памятника. На основе количественного соотношения между основными категориями остатков расщепления и обработки камня были выделены различные по хозяйственному и производственному назначению памятники: охотничьи лагеря, мастерские по первичной обработке кремня, стоянки-мастерские²⁰. Внутри стоянок определены скопления остатков, которые включали в себя «производственные комплексы»²¹. На основе качественных и количественных критериев на площади стоянок выделяются производственные центры, связанные с различной по своим целям деятельностью. Такой анализ позволяет «относить стоянки к тому или иному хозяйственному типу с большей уверенностью и на более объективной основе»²².

Выводы, сделанные Н. Б. Леоновой в результате планиграфического анализа культурных слоев палеолитических памятников, убедительно показывают, что это направление в археологии может служить ценным источником для решения вопросов как о видах производственной деятельностью в пределах одной стоянки, так и об основном характере занятий ее обитателей, что, в свою очередь, даст возможность перейти к решению вопросов, связанных с проблемами экономической и социальной жизни первобытного общества. Таким образом, планиграфический анализ, применяемый как самостоятельный метод,— это еще один способ получения информации о древнем человеке.

Вместе с тем начинает завоевывать признание такое направление в археологических исследованиях, как ремонтаж. Оно имеет в литературе несколько названий: ремонтаж — в работах французских и бельгийских авторов; сэтсуго — в работах японских авторов; складанки — в работах польских авторов; аппликация — в работах советских археологов, предшественников иркутской археологической школы. Представляется, что термин «ремонтаж» наиболее верно отражает суть этого направления. В применении к материалу палеолитических стоянок ремонтаж дает ключ к пониманию такого важного момента, как техника расщепления. Подборки сколов к нуклеусу, подборка сколов друг к другу и, наконец, подборка переоформленных частей первоначально одного и того же орудия позволяет проследить процесс раскалывания с первого до последнего момента, понять основные принципы, которыми руководствовался первобытный мастер, требования, которые он

¹⁷ Taboren J., Pigeot N., Olive M. Site archeologique d'Etioilles. 1978.

¹⁸ Marquet J.-C. Un atelier magdalénien à Benagy, commune de Chaumussay (Jndre-et-Loire).—BSPF, t. 72, 1975.

¹⁹ Леонова Н. Б. Закономерности распределения кремневого инвентаря на верхнепалеолитических стоянках и отражение в них специфики палеолитических поселений. Автореф. канд. дисс. М., 1977; ее же. Некоторые аспекты исследования кремневого материала на стоянках верхнего палеолита.—Вопросы антропологии, вып. 54, М., 1977.

²⁰ Леонова Н. Б. Производственные комплексы стоянки Чулатово II (Рабочий ров).—Проблемы истории СССР, т. V, М., 1976; ее же. Некоторые аспекты...

²¹ Леонова Н. Б. Характер скоплений кремня на кремнеобрабатывающих мастерских.—Вестник МГУ, сер. 8, история, № 5, М., 1980.

²² Там же, с. 79.

предъявлял к сырью. Такой способ реконструкции техники расщепления кажется наиболее объективным, менее подверженным субъективизму, который неизбежно проявляется в любом исследовании. Кроме того, наблюдения за пространственным расположением сколов и частями переделанных орудий дают возможность определить род занятий на отдельных участках стоянки и выделить места деятельности, различной по своим целям и задачам.

Первый пример применения ремонта относится к 1880 г., когда Ф. С. Спуреллу удалось полностью собрать леваллуазский нуклеус. При этом было установлено, что для получения одной качественной заготовки потребовалось снять более 60 подготовительных сколов. Пожалуй, до недавнего времени результат, полученный Ф. С. Спуреллом, был самым значительным, так как после него на протяжении долгого времени исследователи, применявшие ремонт, ограничивались указаниями на интерес, который представляет его применение²³.

Вывод, сделанный Л. Элуа при ремонте нуклеусов из мастерской Омальен 19, заключается в выделении им неоднократных снятий поперечных сколов с ударной площадки нуклеуса для его подживления как одного из технических приемов. Кроме того, благодаря неоднократным подборкам поперечных сколов с ударных площадок был отмечен, как особенность этой мастерской, тот факт, что расщепление производилось исключительно в одном направлении²⁴. Позднее подборки заготовок к нуклеусам, а также ремонт отдельных групп последовательно снятых сколов предпринимались отдельными исследователями. При этом ремонт не был самостоятельной целью исследования, а осуществлялся попутно, при решении определенных задач.

В 70-х годах вышел ряд работ группы авторов, в которых обосновывается комбинированный, составленный из нескольких методов, подход к археологическому слою, позже примененный ими при изучении бельгийской стоянки Меер²⁵. Культурный слой памятника рассматривается с позиции трех методов: палеотопографии, аппликации и трасологии. Главные выводы, сделанные в работе, заключаются в следующем: на основе палеотопографии (планиграфии) было выявлено четыре скопления на площади стоянки и дана их качественная и количественная характеристика. Отмеченные различия между скоплениями по индустрии связываются для I и IV скоплений с различной хозяйственной деятельностью: I — обработка шкур, IV — обработка кости и рога. В процессе подборки сколов, проведенной на стоянке, было отмечено, что этот метод «оказался по существу единственным, позволявшим восстановить археологические структуры, скрытые кажущимся беспорядочным расположением материала»²⁶, и доказать одновременность образования четырех скоплений.

Эта статья вызвала широкое обсуждение среди специалистов, но наиболее серьезный и критический разбор был дан Ф. Бордом. «В данный момент, — писал он, — ремонт нуклеусов или орудий становится модой либо для изучения техники, либо для того, чтобы установить одновременность. Но речь идет не о том, чтобы отрицать интерес этого ремонта, ... а о том, чтобы обратить внимание на некоторые трудности и сомнения»²⁷. Ф. Борд считает ремонт хорошим способом изучения техники расщепления, выявления локализации технической деятельности на площади стоянки, но использование ремонта для доказательства одновременности накопления культурного слоя, по его

²³ Spurrell F. C. An implements and chips from the floor of a palaeolithic work-shop. — The archaeological journal, v. 37, London, 1880.

²⁴ Eloy L. Reconstitution realiseses à la suite de la fouille d'un atelier de taill Omalien (Belgique). — Congrès préhistorique de France. XIII session, Paris, 1950.

²⁵ Cahen D., Keeley Z. and Van Noten T. Stone tools, toolkits and human behavior in prehistory. — Current antropology, v. 20, N 1, 1979.

²⁶ Там же, с. 665.

²⁷ Bordes F. Question de la contemporaneite: l'illusion des remontages. — BSPF, t. 77, N 5, 1980, p. 123.

мнению, недопустимо. Доказывая, что сколы из разных скоплений, указывающие на пространственную связь между ними, могут относиться к разным этапам их образования, разделенным между собой сотнями и даже тысячами лет, Ф. Борд признает научную ценность ремонтажа только при наличии четкой стратиграфии памятника.

Среди советских исследователей палеолита первым, кто отметил, что «осколки от одного желвака дают ряд весьма интересных дополнительных данных», был Г. А. Бонч-Осмоловский²⁸. Собранные им в гроте Киик-Коба 23 осколка от одного желвака представляли собой первичные отщепы, снятые при освобождении желвака от корки. Проследившая этот процесс по четырем группам подбирающихся друг к другу отщепов, Г. А. Бонч-Осмоловский подчеркивает, что эта «операция была проведена крайне неумело и неэкономно по отношению к материалу». Анализируя технические приемы и навыки раскалывания кремня, автор выделяет ряд моментов в производственной деятельности киик-кобинских обитателей: 1 — кремень приносился на стоянку в необработанном виде; 2 — местом обработки кремня служила вся площадь стоянки. Процесс раскалывания желвака включает в себя: а) освобождение его от корки; б) раскалывание сердцевины с целью получения заготовок. При этом «скалывающие удары наносились без определенной системы, без определенно выработанных навыков...»; «направление очередных ударов определялось не строгой, заранее намеченной последовательностью технического процесса, а случайным удобством». Такая бессистемность процесса раскалывания была связана Г. А. Бонч-Осмоловским с другими находками, представленными в том же культурном слое, — костными остатками кисти руки человека. «...Несовершенная рука мастера еще не овладела искусством раскалывания и ударяла по желваку наугад без всякого представления о последствиях удара»²⁹. Этот яркий пример применения ремонтажа при исследовании палеолитических памятников долгое время оставался единственным.

Новый этап интереса к ремонтужу начинается в 70-х годах. Так, ремонтж был успешно применен к кремневому материалу представителями иркутской археологической школы. Но до сих пор публикации на эту тему крайне скудны. Можно назвать только тезисы М. П. Аксенова³⁰ и тезисы В. В. Есипова³¹. Помимо этого, имеется статья М. П. Аксенова, в которой дается теоретическое обоснование аппликаций как метода, показываются применение его к археологическому материалу и те возможности, которые он открывает перед исследователем. В статье справедливо отмечается, что для всестороннего анализа материала этот метод необходимо применять наряду со всеми другими методами, используемыми при обработке археологических источников. Но говоря о вкладе аппликативного метода в исследование палеолита, М. П. Аксенов указывает, что «данные метода могут быть использованы как индикатор при геолого-стратиграфическом членении многослойного памятника»³². Как было отмечено выше, именно против такого применения ремонтажа выступал Ф. Борд в дискуссии с Д. Каеном.

Таким образом, на настоящем этапе развития археологической науки планиграфия и ремонтж, давая интересные результаты, стано-

²⁸ Бонч-Осмоловский Г. А. Грот Киик-Коба, с. 77.

²⁹ Там же, с. 79—80.

³⁰ Аксенов М. П. Аппликативный метод.— Тезисы докладов к региональной конференции 5—7 апреля 1978 года, Иркутск, 1978.

³¹ Есипов В. В. К проблеме соотношения технологических и морфологических моментов в определении некоторых форм изделий и классификация апплицированных артефактов палеолитического местонахождения Макарово IV (Опыт реализации аппликативного метода).— Тезисы докладов к региональной конференции 5—7 апреля 1978 года.

³² Аксенов М. П. Аппликативный метод в анализе археологических источников.— В сб.: Описание и анализ археологических источников, Иркутск, 1981, с. 81.

вятся равноценными методами исследования палеолита. Их применение открывает широкие возможности постановки и решения новых проблем, связанных с социально-экономической жизнью первобытного человека, освещения тех ее сторон, которые казались недоступными ранее, при применении к археологическому материалу традиционных методов.

Т. Ю. ГРЕЧКИНА

**ЮҚОРИ ПАЛЕОЛИТ ДАВРИДА ОДАМНИНГ ИШЛАБ ЧИҚАРИШ
ФАОЛИЯТИНИ РЕКОНСТРУКЦИЯ ҚИЛИШ МЕТОДИКАСИГА ОИД**

Мақола юқори палеолит даврида яшаган одам фаолиятини комплекс тиклаш учун археология фанида планиграфик усул ва ремонтж ишлаб чиқишга бағишланган.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

РАЗВИТИЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ХЛОПКОВОДСТВЕ

В документах XXVI съезда партии и последующих Пленумов ЦК КПСС намечена широкая программа дальнейшего подъема благосостояния советского народа на основе значительного увеличения производства высококачественных и разнообразных продуктов питания, промышленных товаров, предметов культурно-бытового назначения.

Ведущая роль в этой крупномасштабной работе отводится агропромышленному комплексу. Как указывалось на майском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС, «впервые агропромышленный комплекс выделяется как самостоятельный объект планирования и управления. Это позволит лучше, эффективнее сочетать территориальное, отраслевое и программно-целевое планирование»¹.

Агропромышленная интеграция связана с укреплением связей между промышленностью и сельским хозяйством, что усиливает потребность в концентрации и специализации производства, создает условия для дальнейшего развития межхозяйственной кооперации. Развитие специализации и концентрации укрепляет хозяйственные связи предприятий, усиливает их взаимосвязь и зависимость друг от друга. Успешно решить эту задачу, по словам В. И. Ленина, позволит только прочная «материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе»².

После мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС резко усилилось внимание к вопросам интенсификации всех отраслей сельского хозяйства СССР. На эти цели только в десятой пятилетке было вложено 131 млрд., а в десятой — более 170 млрд. руб., или, соответственно, 26 и 27% всех капитальных вложений в народное хозяйство, тогда как до мартовского (1965 г.) Пленума общий объем капиталовложений в сельское хозяйство составлял 60—62 млрд. руб. Помимо этого, значительные средства были выделены на развитие промышленности, обеспечивающей сельское хозяйство необходимой материально-технической базой.

Намного повысилась техническая оснащенность колхозов и совхозов. Ныне на полях страны работает более 2,5 млн. тракторов, свыше 700 тыс. комбайнов. Только в десятой пятилетке сельскохозяйственные предприятия УзССР получили 85,1 тыс. тракторов, 30,2 тыс. хлопкоуборочных машин, 35 тыс. грузовых автомобилей, 5,7 тыс. зерноуборочных комбайнов и много другой техники; сельскому хозяйству республики поставлено 5246 тыс. т усл. ед. минеральных удобрений. Энергетическая мощность сельскохозяйственных предприятий УзССР повысилась с 8733 тыс. до 21 354 тыс. л. с., или в два с лишним раза, а энерговооруженность в расчете на одного работника — в 2 раза³.

Таким образом, сельскохозяйственное производство обрело реальную материально-техническую базу для «высшего синтеза союза земледелия и промышленности»⁴, т. е. для агропромышленной интеграции.

Агропромышленный комплекс (АПК) — результат технологического, экономического и организационного соединения взаимосвязанных стадий производства, хранения, переработки и доведения до населения продовольственных продуктов и других предметов потребления. Этот комплекс состоит из трех сфер производственной и социальной инфраструктуры:

1 сфера — отрасли, производящие средства производства для АПК, — тракторное и сельскохозяйственное машиностроение; машиностроение для животноводства и кормопроизводства; машиностроение для легкой и пищевой промышленности; производство специализированного автотранспорта, мелкоративной техники; произ-

¹ О Продовольственной программе СССР на период до 1990 года и мерах по ее реализации. — Правда, 1982 г., 25 мая.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 60.

³ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1980 г. Статистический ежегодник. Ташкент, 1981, с. 95.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 514.

водство минеральных удобрений, гербицидов, ядохимикатов, полимеров для сельского хозяйства; сельское производственное строительство, в том числе мелноративное и дорожное; комбикормовая и микробиологическая промышленность; производство специализированного оборудования и приборов для отраслей АПК;

II сфера — отрасли сельского хозяйства, производящие продукцию земледелия и животноводства;

III сфера — отрасли промышленности по переработке сельскохозяйственного сырья; все подотрасли пищевой, мукомольно-крупяной, мясо-молочной, рыбной промышленности; отрасли легкой промышленности (первичная обработка хлопка, льна, шерсти, кожевенно-мехового сырья, производство тканей, одежды, трикотажа, кожаных товаров, обуви, меховых изделий).

Производственная инфраструктура АПК включает в себя: систему производственно-технического обеспечения и обслуживания сельского хозяйства и других отраслей комплекса; агротехническое, агрохимическое и ветеринарное обслуживание; систему заготовок сельскохозяйственной продукции и элеваторно-складское хозяйство; транспортное и дорожное хозяйство, хранение сельскохозяйственной и промышленной продукции, тарное хозяйство, связь и информационно-вычислительное обслуживание, оптовую и розничную торговлю продуктами комплекса; прикладные научные исследования для всех отраслей комплекса.

Социальная инфраструктура АПК включает: жилищно-коммунальное хозяйство, бытовое и культурное обслуживание, систему детских и оздоровительных учреждений, систему подготовки кадров и т. п.⁵

В Узбекской ССР действует народнохозяйственный агропромышленный хлопковый комплекс, где за последние три пятилетки удельный вес первой сферы поднялся с 4 до 10%, второй — снизился с 40,9 до 38%, а третьей — с 55,1 до 52%. Структурные сдвиги говорят о повышении роли промышленности в выпуске валовой продукции АПК.

В дальнейшем, исходя из поставленных партией задач, структурные сдвиги в АПК должны регулироваться так, чтобы в выпуске валовой продукции росла роль не только первой, но и третьей сферы. А это значит, что промышленную переработку должно проходить больше продукции второй сферы, т. е. продукции сельского хозяйства.

В 1966 г. промышленную переработку прошло 43,9, а в 1980 г. — 60,2% валовой продукции сельского хозяйства.

На объем промышленной переработки сельскохозяйственных продуктов влияет ряд факторов. Так, при длительном хранении и транспортировке они теряют свои товарные качества и из одинакового количества сельхозпродукции получается меньший выход. Например, если хлопок-сырец первого сорта переработать сразу, он дает выход волокна около 34%, а после длительной транспортировки и хранения — около 30%.

Поэтому интеграция производства и первичной переработки сельхозпродуктов на уровне совхозов-заводов или административного района при тех же объемах выращивания сельхозпродуктов дала бы более высокий выход продукции и более высокую занятость трудовых ресурсов.

Проблема агропромышленной интеграции в хлопководстве на уровне административного района не нова. Уже в период социалистической реконструкции сельского хозяйства высказывалось мнение о необходимости сужения сырьевой зоны заводов с целью сокращения транспортных издержек, уменьшения потерь и снижения качества сырца, неизбежных при длительной его транспортировке и хранении. «...Возникает необходимость, — писал, например, З. Грановский, — в постройке заводов при крупных совхозах и колхозах, а также организации аграрно-индустриальных комбинатов»⁶.

Но в последующем построенные на территории сельхозпредприятий заводы организационно не были соединены с производителями хлопка, агроиндустриальные комбинаты так и не были созданы, ибо в то время социалистические производственные отношения и материально-техническая база были недостаточно развиты, рассредоточение заводов по колхозам было преждевременным.

Второе обсуждение проблемы агропромышленной интеграции в хлопководстве относится к периоду укрепления колхозного строя. Так, в конце 60-х годов было принято решение о строительстве хлопковых заводов в территориальном единстве с сельхозпредприятиями. Таких предприятий намечалось создать около десяти. Но из-за отсутствия должного опыта в организации управления, вследствие трудностей в механическом обслуживании, материально-техническом обеспечении и других недостатков совхозы-заводы не смогли проявить эффективность и были реорганизованы. В качестве агропромышленных предприятий по производству и переработке хлопка из них осталось только два.

По данным Ж. Н. Алыкулова, стоимость 1 т хлопка-волокна в совхозах-заводах УзССР «Нарпай» (Бухарская область) и «Кызыл-Рават» (Наманганская область) в 1975 г. была соответственно на 39 и 27 пунктов ниже общесоюзного уровня. «Более низкие затраты производства обусловлены значительными уменьшения-

⁵ Агропромышленный комплекс страны и повышение его эффективности. — Экономическая газета, 1982, № 45.

⁶ Грановский З. За хлопковую независимость. — Вопросы хлопкоочистительной промышленности, 1931, № 1, с. 59.

ми расходов на осуществление транспортно-заготовительных, общезаводских и общепроизводственных операций⁷.

Кроме того, в совхозах-заводах по сравнению с заводами МХП УзССР рациональнее используется рабочая сила, значительно меньше численность административно-управленческого персонала, выше выработка на одного работника.

Однако этот положительный опыт не нашел пока должного распространения, хотя в других отраслях сельского хозяйства республики — овощеводстве, животноводстве — производственно-аграрные объединения получили достаточное развитие, являются рентабельными и эффективными.

Перестройка управления агропромышленным комплексом страны осуществляется в соответствии с решениями XXVI съезда КПСС, майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС, требующими нового подхода и к управлению народнохозяйственным хлопковым комплексом. Очевидно, назрели предпосылки совершенствования организационных форм управления в первичном звене комплекса путем создания производственно-аграрных хлопковых объединений в составе хлопкозаводов и хлопководческих хозяйств. Необходимо осуществить и территориальную интеграцию, создавая районные и областные агропромышленные хлопковые объединения. Это обеспечит снижение звенности и удешевление аппарата управления, повышение эффективности комплекса в целом.

Ф. П. Баратов

⁷ Алыкулов Ж. Н. Объединение совхоз-завод. — Хлопководство, 1976, № 5.

РОСТ ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ТРУЖЕНИКОВ ГОЛОДНОЙ СТЕПИ

Прошло 65 лет с тех пор, как в мае 1918 г. В. И. Ленин подписал исторический декрет об оросительных работах в Туркестане, в котором намечалось прежде всего оросить и освоить 500 тыс. десятин земель Голодной степи. Освоение этого обширного массива было исключительно сложным и длительным процессом. К 1956 г. здесь было освоено около 200 тыс. га земель, создано 8 административных районов, где имелось более 100 колхозов, 12 МТС и ряд совхозов¹. Для выполнения огромного объема работ по коренной мелиорации засушливых и засоленных земель необходима была мощная материально-техническая база, позволяющая максимально механизировать все производственные процессы.

Началом современной истории освоения Голодной степи стал 1956 год, когда ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли известное постановление «Об орошении и освоении целинных земель Голодной степи в Узбекской ССР и Казахской ССР для увеличения производства хлопка»², в соответствии с которым для дальнейшего освоения Голодной степи был создан трест Главголотностепстрой. Вскоре в районах, подлежащих освоению, была создана разветвленная сеть строительных трестов, строительного-монтажных управлений, автобаз и др.

ЦК КПУз, правительство республики постоянно занимались вопросами освоения пустынных районов. Ими было принято специальное постановление «Об организации дальнейших работ по орошению и освоению земель Голодной степи»³, наметившее действенные меры по совершенствованию организации строительных работ, созданию необходимых строительных организаций, улучшению партийного руководства. В распоряжение Главголотностепстроя поступал все более нарастающий поток мощной строительной техники — экскаваторы всех марок, скреперы, бульдозеры и др. Много внимания уделялось обеспечению строящихся объектов проектно-сметной документацией, кадрами механизаторов и специалистов водохозяйственного строительства, созданию для них жилищных и культурно-бытовых условий.

Освоение Голодной степи осуществлялось новым, комплексным методом, путем создания крупных хлопковых совхозов, которые еще в ходе освоительных работ начинали выращивать хлопчатник и другие культуры. Такой метод предполагал одновременное осуществление гидротехнического, дорожного, культурно-бытового строительства. Важнейшее значение приобретали предприятия промышленности строительных материалов. Ударными темпами создавались благоустроенные совхозные поселки, где индустриальным методом возводились современные жилые дома с необходимыми удобствами.

Комплексный метод освоения целины полностью оправдал себя, поскольку уже в процессе строительства совхозы начали получать доходы от реализации хлопкопродукции и капитальные затраты окупались очень быстро.

Только за 1956—1965 гг. Главголотностепстрой освоил 595 млн. руб. капиталовложений. В целом по Узбекистану было ирригационно подготовлено 372 тыс. га новых земель⁴. За 1965—1975 гг. в сельскохозяйственный оборот было введено око-

¹ Абдунабиев А. Борьба КПСС за увеличение орошаемых земель. Ташкент, 1966, с. 48.

² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968, с. 314.

³ Ибрагимов Р. Осуществление ленинских идей освоения Голодной степи. Ташкент, 1969, с. 68.

⁴ Ходжиев Э. Х. История орошения и освоения Голодной степи. Ташкент, 1975, с. 169.

ло 80 тыс. га новых земель, создано 15 совхозов⁵. К 1976 г. в Голодной степи было освоено около 300 тыс. га орошаемых земель, создано 50 хлопководческих совхозов, которые дали тогда 340 тыс. т хлопка-сырца⁶.

Вместе с целинными хозяйствами в процессе творческого труда, базирующегося на современной технике и технологии, растут и люди, их квалификация, мастерство.

Для подготовки специалистов различного профиля в Голодной степи созданы техникумы, учебные комбинаты и другие учебные заведения. В г. Янгиере открыт филиал Ташкентского института инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства (ТИИИМСХ). В школах передового опыта прошли обучение передовым методам труда на стройках, промышленных предприятиях и в совхозах тысячи труженников, прежде всего молодежь.

Целинные совхозы, эти передовые высокомеханизированные предприятия с технически совершенной ирригационно-мелиоративной системой и благоустроенными поселками, становятся прообразами сельскохозяйственных предприятий будущего с коммунистической организацией производства, культуры и быта. Высокомеханизированное крупное сельскохозяйственное производство, основанное на современной технике и комплексной механизации производственного процесса, обеспечивает неуклонный рост продукции, высокую производительность труда и на этой основе — низкую себестоимость произведенного хлопка-сырца.

Мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС открыл перед голодностепскими совхозами новые широкие перспективы подъема сельскохозяйственного производства. Значительно окрепла экономика целинных хозяйств, развивалась их материально-техническая база. В результате восьмая—десятая пятилетки стали новыми значительными этапами в развитии сельского хозяйства в зоне бывшей Голодной степи.

За годы 10-й пятилетки только в Сырдарьинской области УзССР произведено 312 тыс. т овощей, 917,9 тыс. т бахчевых культур, 15,4 тыс. т картофеля, 51,0 тыс. т мяса, 406,9 тыс. т молока, 207,7 млн. яиц и т. д.⁷

Всего за 10-ю пятилетку произведено валовой продукции на 1,9 млрд. руб. Освоено 879 млн. руб. капиталовложений, введено в действие основных фондов на 905 млн. руб. — на 45% больше, чем в 9-й пятилетке. Освоено 35,1 тыс. га новых земель. Построено 700 тыс. м² жилья, школ на 23 тыс. учебных мест, детских садов и яслей на 7 тыс. мест.

Урожайность хлопчатника по области возросла на 3,4 ц/га. Прделана большая работа по механизации его уборки. По итогам 1979 г. Сырдарьинская область стала победительницей Всесоюзного социалистического соревнования за эффективное использование сельхозтехники. В 1980 г. машинами собрано 330 тыс. т хлопка, или 78,6% урожая.

Богатства этого края огромны, и освоение его продолжается все нарастающими темпами. Упорно работают строители. В 1982 г., включившись в соревнование в честь 60-летия образования СССР, подрядные строительные организации Сырдарьинской области досрочно завершили годовой план. Водохозяйственными организациями введено в сельхозоборот 5211 га новых орошаемых земель, мелиоративно улучшено 5094 га, переустроены оросительные системы с целью улучшения водообеспеченности полей на площади 6478 га.

Высокими темпами идет строительство новых предприятий по переработке продукции сельского хозяйства. Так, в 1982 г. в Сырдарьинской области введены в действие цех маринадов в совхозе «Баяут», птицефабрика «Целинник» мощностью 1 млн. 200 тыс. бройлеров. В совхозах и колхозах области и Гулистанском племяптицепродукторе построены помещения для содержания крупного рогатого скота и теляток на 3780 голов, свиноводческие на 1700 голов.

Кроме того, сданы в эксплуатацию 162 тыс. м² жилья, школ на 5832 учащихся, детских дошкольных учреждений на 1380 мест, больницы на 300 коек⁸.

В области сформировались хозяйства, ставшие подлинными маяками в сельском хозяйстве республики. Таков, например, совхоз «Малик». Коллектив этого опытного хозяйства встретил 60-летие образования СССР новыми трудовыми достижениями. Государству в 1982 г. было сдано 9052 т хлопка — по 33 ц/га, а звено депутата Верховного Совета СССР Тухтахон Киргизбаевой получило с каждого гектара по 55 ц «белого золота».

Планы производства выполнены: овощей — на 100,2, фруктов — на 245, винограда — на 100,3%. Особое внимание уделяется развитию зерноводства. План производства зерна кукурузы выполнен на 192,8%, с каждого гектара получено по 81 ц «янтарного» зерна, а урожайность колосовых составила 45 ц/га.

Успешно развивается в совхозе животноводство. Укрепление кормовой базы за счет промежуточных, совмещенных и повторных посевов, систематическое улучшение племенного дела, строгое соблюдение требований науки и передового опыта позволили животноводам хозяйства досрочно, к 1 декабря 1982 г. выполнить годо-

⁵ Сырдарьинская правда, 1975 г., 25 марта.

⁶ Некоторые проблемы освоения Джизакской степи. Ташкент, 1978, с. 67.

⁷ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1980 г. Статистический ежегодник. Ташкент, 1981, с. 109—111, 136, 137.

⁸ Сырдарьинская правда, 1983 г., 29 января.

вой план. Было произведено 594 т мяса, 3659 т молока, 5800 тыс. яиц. От каждой фуражной коровы надоено 4356 кг молока; от каждых 100 коров и нетелей получено по 96 телят; средний вес скота, сдаваемого на мясо, составил 650 кг.

В соответствии с задачами, выдвинутыми Продовольственной программой, в хозяйстве особое внимание уделяется повышению отдачи поливного гектара. С каждым годом растет производство продукции на 100 га поливной пашни (в 1982 г.— 790 ц молока, 130 ц мяса и 120 тыс. яиц).

В авангарде соревнования в одиннадцатой пятилетке идет Акалтынский район Сырдарьинской области. Здесь с каждого из 28 тыс. га собрано по 29,7 ц хлоп-ка. Удельный вес машинного сбора по району доведен до 85%, а средняя выработка на одну хлопкоуборочную машину — до 94 т⁹.

Созданное в районе аграрно-промышленное объединение «Акалтын» вносит свой вклад в выполнение Продовольственной программы.

В объединение входят хлопководческие и кукурузоводческие совхозы, животноводческий комплекс, тепличное хозяйство, пчеловодческий совхоз, садово-виноградское и другие подразделения. Началось строительство рыбхоза, консервного завода по переработке овощей и фруктов, строятся социально-культурные объекты.

Совхозу № 19 Акалтынского района Сырдарьинской области в 1982 г. было присвоено имя 60-летия СССР. В его коллективе единой семьей живут и трудятся представители 26 национальностей — узбеки, русские, казахи, киргизы и др. В юбилейном году они вышли победителями в соцсоревновании. Государству было сдано более 22 500 т «белого золота», с каждого из 5532 га получено по 40,7 ц сырья, 90% урожая убрано хлопкоуборочной техникой. Планы по продаже государству зерна выполнены на 271,3%, овощей — на 106, бахчевых — на 100,4, фруктов — на 203,6, винограда — на 108,5, мяса — на 102, молока — на 107, яиц — на 135%¹⁰.

В хозяйствах Голодной степи ведется широкое социальное и культурное строительство. Только за годы десятой пятилетки на развитие сел направлено более 198 млн. руб. капитальных вложений. За это время, например, в Сырдарьинской области введены в эксплуатацию 683 тыс. м² жилой площади, 21,3 тыс. школьных ученических мест, 6,8 тыс. мест в детских садах и яслях, 16 клубов и 6 летних кинотеатров, проложено 152 км водопроводов. Уровень газификации села достиг 78,3%. За пятилетие сельскому населению продано более 3400 легковых автомашин, 20 165 телевизоров, 37 600 радиоприемников, 17 200 холодильников, 15 190 стиральных машин, на 1805 тыс. руб. книг¹¹.

На заботу партии и правительства труженики Голодной степи отвечают повышением творческой активности, проявляя образцы самоотверженного труда.

Более 20 лет работает в Голодной степи инициатор социалистического соревнования за выполнение в 11-й пятилетке десяти годовых заданий, бульдозерист из ПМК-24 треста «Янгирводстрой» А. А. Рон. На его рабочем календаре сейчас уже 1986 г. В счет 1986 г. трудится и ударник коммунистического труда, бригадир водителей автотранспортной конторы № 2 автоуправления Голодностепстроя Кенжа Турдыбаев.

42 центнера с гектара — такова урожайность хлопчатника в 3-м отделении совхоза им. 60-летия СССР Акалтынского района, которым руководит член КПСС Куват Уручев. В совхозе «Галлакор» Акалтынского района бригада, возглавляемая Шарифитдином Жахимовым, вырастила 105-центнеровый урожай зерна кукурузы на каждом из 101 га. Таких примеров можно привести немало.

Характерная черта всех трудовых коллективов — их многонациональный состав. Например, в совхозе «Малик» трудятся представители 21 национальности, а всего в освоении земель Голодной степи принимали участие труженики 54 национальностей. Так в совместном труде, в борьбе за общее дело — победу коммунизма — крепнет ленинская дружба народов СССР.

Богатый опыт освоения крупных массивов целинных земель, накопленный в СССР, в том числе в Голодной степи, получил широкое международное признание. По примеру советских целинников активное наступление на пустовавшие веками земли развернули земледельцы Монголии, Кубы, Корейской Народно-Демократической Республики и других социалистических стран. Наш опыт освоения целинных земель используется также в Алжире, Афганистане, Сирии, Танзании и других развивающихся странах.

Как подчеркнул посетивший Голодную степь известный советский писатель Чингиз Айтматов, «величие того, что сделано в Голодной степи, ...имеет общечеловеческое значение. В мире так много земель, тысячелетиями жаждущих рук человека. В мире так много проблем, связанных с голодом и недоеданием людей, в мире так много дел, требующих усилий наций и государств...»

Покоренная целина наглядно демонстрирует животворную силу социализма, братской дружбы народов СССР.

Так воплотилась в жизнь мечта великого Ленина, отраженная в подписанном им 65 лет назад декрете об оросительных работах в Туркестане. Бывшая Голодная степь усилиями советского народа превращена в цветущий оазис и верно служит делу коммунизма.

Х. А. Таиров

⁹ Сырдарьинская правда, 1983 г., 15 января.

¹⁰ Сырдарьинская правда, 1983 г., 28 января.

¹¹ Сырдарьинская правда, 1981 г., 26 июня.

О РОЛИ РАБОЧЕГО КЛАССА В УКРЕПЛЕНИИ СЕЛЬСОВЕТОВ УзССР В ПЕРИОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

В построении фундамента социализма и особенно в коллективизации сельского хозяйства страны, в том числе Узбекистана, самое активное участие приняли сельские Советы. Учитывая всю ответственность стоявших перед ними задач, Коммунистическая партия принимала действенные меры для укрепления сельсоветов, улучшения их социального состава, оживления и совершенствования всей их деятельности, особенно в области колхозного строительства. Важнейшую роль в укреплении сельских Советов и мобилизации их на успешное осуществление сплошной коллективизации деревни, в том числе узбекского кишлака, сыграл рабочий класс, помощью которого проявлялась в различных формах шефства, движении двадцатитысячников и др. В Узбекистане огромную работу по укреплению сельских Советов и утверждению колхозного строя проделали посланцы рабочего класса из центральных промышленных районов страны.

Весной 1930 г. в республике в первую очередь надо было мобилизовать общественность кишлака на борьбу против байства, мелкобуржуазной стихии, сплотить бедняцко-средняцкий актив, укрепить сельские Советы, образцово провести весенний сев, особенно хлопчатника, обеспечить дальнейшее развертывание массового колхозного движения. На это и направили свои усилия шефы и 25-тысячники — передовые промышленные рабочие страны, прибывшие в республику для участия в колхозном строительстве.

Имея богатый опыт борьбы с классовым врагом и обладая большими организаторскими способностями, передовые рабочие под руководством партийных органов начали свою практическую работу прежде всего с укрепления низовых органов диктатуры пролетариата — сельских Советов, которые следовало повернуть лицом к колхозному движению.

Укрепление сельсоветов осуществлялось прежде всего путем улучшения их социального состава. Большую роль в этом играли коммунисты, кишлачные парторганизации, в составе которых вместе с сельскими коммунистами действовали присланные из города рабочие.

Сельские парторганизации республики были тогда еще относительно слабыми и малочисленными. Так, в 1927 г. одна партиячейка приходилась в УзССР на 14 тыс. человек. Даже в 1930 г. в среднем на одну партиячку приходилось 15 населенных пунктов, на 162 сельсовета — 52 ячейки¹. Около 47% сельских коммунистов были неграмотными. В этих условиях роль коммунистов-рабочих была особенно велика.

При их активнейшем участии осуществлялось и укрепление сельских Советов. Исключительное значение в этом имели перевыборы сельсоветов с целью очищения их от классово чуждых элементов, вовлечения в органы пролетарской диктатуры на селе лучших представителей бедноты, батраков, середняков, сельских активистов, расширения связи рабочего класса с трудящимися массами деревни.

ЦК ВКП(б) в письме от 1 января 1929 г. «О перевыборах Советов», обратив внимание парторганизаций национальных республик на политическую важность начинающейся кампании, отметил, что «одной из важнейших задач партии на предстоящих выборах является усиление связи Советов с рабочими и крестьянскими массами, изгнание из Советов элементов, являющихся кулацкой агентурой, решительное проведение самокритики, борьба со всеми элементами бюрократизма»². В свою очередь, Президиум Средазбюро ЦК ВКП(б) 11 января 1929 г. призвал всех рабочих Средней Азии принять активное участие в перевыборах Советов.

В результате перевыборов 1929 г. состав сельсоветов был обновлен на 73% и укреплен лучшими представителями из дехкан. В сельсоветы было избрано 29,1% батраков, 39,5% бедняков, 24,4% середняков³. Партпрослойка в них составила 60%, 68% всего руководящего состава сельсоветов республики приходилось на долю бедняцких слоев⁴.

Массовая коллективизация и на ее основе ликвидация кулачества как класса усилили роль сельских Советов в общественно-политической жизни деревни, поставили перед ними новые ответственные задачи. В январе 1930 г. ЦК ВКП(б) созвал специальное совещание по вопросам партийного и советского строительства. По итогам этого совещания было принято постановление ЦИК СССР от 25 января 1930 г. «О новых задачах Советов в связи с широко развернувшейся коллективизацией в деревне»⁵. В нем были указаны пути укрепления сельсоветов, в том числе — квалифицированными кадрами.

В соответствии с этим постановлением ЦИК УзССР организовал центральные и местные курсы по подготовке и переподготовке членов сельсоветов и райисполко-

¹ ЦГА УзССР, ф. Р-736, оп. 1, д. 1158, л. 75.

² Правда, 1929 г., 1 января.

³ ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 5023, л. 67.

⁴ Два года социалистического строительства в Узбекистане (Отчет правительства УзССР IV съезду Советов Узбекистана). Ташкент, 1931, с. 146.

⁵ Собрание законов СССР, 1930, № 7, с. 85.

мов (РНК). Уже в 1930 г. на этих курсах была переподготовлена большая группа председателей РНКов, председателей и секретарей сельсоветов, в том числе 26 рабочих⁶.

В укреплении сельсоветов и перестройке их работы большую помощь оказали городские Советы, в том числе посылкой особых бригад из членов горсоветов, активистов-рабочих на временную или постоянную работу в сельские Советы.

Идею посылки городских рабочих-депутатов на постоянную и временную работу в деревенские Советы выдвинули московские рабочие. Творческая инициатива рабочих Москвы поистине не знала предела. Не успела закончиться мобилизация 25-тысячников (движение которых развернулось по почину московских рабочих), как среди рабочих столицы родилось новое замечательное движение. В январе 1930 г. в «Правде» было опубликовано письмо рабочих завода «Серп и Молот» — депутатов городского и районных Советов Москвы. Они предлагали Моссовету «взять на себя инициативу в посылке членов Моссовета и районных Советов г. Москвы в сельсоветы и в первую очередь, в Советы районов сплошной коллективизации» и вызвать на социалистическое соревнование Советы всех союзных республик и Ленинграда⁷.

На призыв москвичей откликнулись рабочие других городов. Лозунг «Советы — лицом к колхозному движению!» овладел массами. Движение за отправку добровольцев в сельские Советы быстро распространилось по всей стране. Учитывая это, Президиум ЦИК СССР 16 февраля 1930 г. издал постановление «О мобилизации членов городских Советов на руководящую работу в сельских Советах и районных исполнительных комитетах в районах сплошной коллективизации»⁸. Всего на работу в сельские и районные Советы было послано 7,2 тыс. человек, в том числе по УзССР — 130⁹. Только из Москвы было направлено в Среднюю Азию 150 человек. Значительная часть из них работала в Узбекистане.

Одобрив начин москвичей, члены Ташкентского и Самаркандского горпрофсоюзов подхватили эту инициативу, заявив, что в условиях Узбекистана, где сельсоветы слабо укомплектованы квалифицированными кадрами, она приобретает особое значение¹⁰.

Городские Советы руководили сельсоветами путем периодической посылки в кишлак руководящих работников, инструкторов, уполномоченных. Широкое распространение получила практика бригадного обследования кишлачных Советов. В обязанности этих бригад входило и оказание практической помощи РНКам и сельсоветам в перестройке их работы. Например, в 1930 г. в кишлак было отправлено 8 рабочих бригад (56 человек), обследовавших 29 районов и 145 кишлачных Советов¹¹. Проверять и устранять недостатки в работе кишлачных Советов, рабочие бригады действовали на правах правительственной комиссии. Результаты обследования были подытожены и обобщены ЦИК УзССР.

Всего по республике на 10 мая 1932 г. в сельские районы было послано 93 члена горсоветов, из них 90% — рабочих. Они прошли двухнедельные курсы и были направлены преимущественно в сельсоветы¹².

Активную помощь в правильной постановке работы кишлачных Советов, очистке их от кулацко-байских элементов оказали рабочие-шефы и 25-тысячники, приехавшие из крупнейших индустриальных центров страны. Эта помощь имела особое значение, поскольку она была оказана в период наибольшего обострения классовой борьбы в кишлаке. Для отражения атак байско-кулацких элементов на колхозы дехканам нередко не хватало опыта классовой борьбы. Этим опытом с дехканами охотно делились рабочие. Они помогали Советам на практике осуществлять политику ликвидации кулачества как класса, с помощью парторганизаций выявляли и изгоняли из сельсоветов классово чуждые элементы, добивались устранения искажений политики партии в хозяйственных вопросах.

Так, 25-тысячник И. Болотин в Термезском районе Сурхандарьинского округа выявил значительное влияние кулацко-байских элементов, с помощью местного актива установил, что председатель Ходжейлинского сельсовета — кулак. Об этом рабочий сообщил в райком партии и сельсовет был переизбран¹³.

В Ходжейлинском районе рабочая бригада выявила в ряде кишлаков засоренность сельсоветов кулацко-байскими элементами. В одном из кишлаков по списку сельсовета числилось 4 мелких бая, а рабочие выявили 97 крупных баев, которые налогом не облагались. Сельсовет был очищен от этих классово чуждых элементов¹⁴.

Большую работу по очищению сельсоветов от кулацко-байских элементов провели рабочие бригады, прибывшие из Иваново-Вознесенска, Твери, Орехово-Зуева, Серпухова и других городов. Так, в Шариханском районе ивановские рабочие выявили в одном кишлаке засоренность сельсовета кулацко-байскими элементами. По

⁶ ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 6328, л. 15, 23.

⁷ Правда, 1930 г., 28 января.

⁸ Там же.

⁹ Советское земледелие, 1930, № 12, с. 140.

¹⁰ Узбекстанская правда, 1930 г., 28 февраля.

¹¹ Два года социалистического строительства в Узбекистане..., с. 147.

¹² Там же.

¹³ ЦГАОР СССР, ф. 5457, оп. 14, д. 113, л. 62.

¹⁴ Там же, л. 37, 44.

списку сельсовета их значило в кишлаке 72, а фактически было обнаружено 200. Весь состав сельсовета был обновлен¹⁵. Аналогичную работу проделала первая тверская бригада в Ново-Бухарском районе¹⁶.

Огромная помощь рабочих в улучшении работы кишлачных Советов была отмечена на заседании ЦИК УзССР в июле 1930 г., где подчеркивалось, что рабочие не только улучшили состояние колхозов, но и значительно оживили деятельность советских органов на местах¹⁷.

При самом активном участии рабочих была проведена очередная кампания по переизборам Советов. В Узбекистане она прошла под знаком резкого роста политической активности широких масс трудового дехканства, их дальнейшего сплочения вокруг Советской власти, укрепления союза рабочих и крестьян.

В кишлаках в переизборах Советов 1930—1931 гг. приняло участие 70,3% всех избирателей — на 6% больше, чем в 1928—1929 гг.¹⁸ Число рабочих, принявших участие в выборах, увеличилось в 1,4 раза¹⁹. Многие рабочие были избраны председателями сельсоветов. В 1930—1931 гг. рабочие в сельских Советах составили 12% против 1,2% в 1928—1929 гг.²⁰

Все это способствовало укреплению классовой опоры диктатуры пролетариата в кишлаке, значительно улучшению работы низового советского аппарата, активизации его участия в хозяйственной и политической жизни кишлака, коллективизации сельско-о-хозяйства Узбекистана.

И в этом деле огромную роль сыграл рабочий класс. Укрепляя сельсоветы, очищая их ряды от классово чуждых элементов, активизируя всю их работу, рабочий класс тем самым внес под руководством Коммунистической партии решающий вклад в упрочение власти Советов в кишлаке, расширение ее социальной базы, усиление всей деятельности местных Советов в борьбе за социалистическое преобразование сельского хозяйства и вовлечение в строительство новой жизни широких масс трудового дехканства.

Г. В. Мачин

¹⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-736, оп. 1, д. 1156, л. 24.

¹⁶ Голос текстилей, 1930 г., 27 мая.

¹⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-196, оп. 1, д. 56, л. 95.

¹⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 6535, л. 375—376.

¹⁹ Подсчитано автором по данным: ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 6448, л. 79.

²⁰ Там же, л. 84.

О ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМЫ В ЮВЕЛИРНОМ ИСКУССТВЕ УЗБЕКИСТАНА XIX ВЕКА

В жизни коренного населения Узбекистана XIX в. ювелирные украшения сохраняли свое многофункциональное назначение. В них ценились художественная выразительность, мастерство исполнения. Их отличали престижная социальная и материальная значимость, возрастные, семейные, этнические и другие особенности. Но самое удивительное с точки зрения современного мировоззрения заключалось в том, что все ювелирные украшения и в XIX в. продолжали сохранять свое апотропейческое значение. Их формы, детали и все изображенное на них носило магическо-заклинательный характер. При этом главный смысл заключал в своей основе элементы древних ритуально-анималистических представлений доисламской, языческой поры. Со временем первоначальный конкретный смысл формы отдельных украшений и мотивов орнамента, безусловно, забывался или пересмысливался, но сохранялось общее представление о нем, как о предмете, несущем добро и благожелательность, здоровье и счастье, как обереге, защищающем от болезней, «козней злых духов» и врагов.

Такая приверженность к старому становится понятной в исторических условиях эпохи разложения феодального общества с ее застойным, патриархальным укладом жизни и обычаями, устаревшими канонами, господством религии, полной оторванностью женщины от общественной жизни, ее затворничества. В этих условиях сохранялась вера в чародейство, заклинания духов, предсказания, гадания и т. д.

Изучение материала помогает понять конкретное смысловое значение, придаваемое ювелирным изделиям в прошлом и почти забытое в XIX в. Украшения в своих формах и орнаментах таят целый мир народных представлений и мифологических образов. Они, как сказки и легенды, доносят до нас мировоззрения людей древних эпох, рассказывают о фантастическом мире, переплетающемся с реальной жизнью. И если отвести религиозно-мистическую оболочку, за ней раскрывается поэтически возвышенное восприятие картины мира в искусстве.

В связи с обычаями и верованиями особенно большое значение придавалось украшениям невесты, ее свадебному убору, перенасыщенному символикой культа животворящего женского начала и охранительными знаками. Здесь мы рассмотрим один из типов диадемы, входившей в сложный ансамбль головных украшений, — тиллакош, что буквально означает «золотые брови». Он закреплялся на лбу, на головном уборе, который представлял невысокий цилиндрический каркас, сооруженный из сложенного в несколько раз платка с твердой прокладкой. Тиллакош носили таджички и узбечки. Сейчас он используется в costume танцовщиц и реже — как предмет свадебного ритуала. Его часто описывали авторы XIX—XX вв. «Тил-

лакош состоит из массивных серебряных пластин, вырезанных в виде изогнутых бровей, внизу прикреплены привески сердцевидной формы, а по верхнему краю припаивается более тонкая пластинка, образующая сложный и красивый узор¹. Сверху в петельки тиллакош вставлялись перья из крыльев утки (селезня). Позднее натуральные перья стали заменяться искусственными, сделанными из витой проволоки, переплетенной яркими цветными шелковыми нитками², что вносило в украшение впечатление пестроты и мишурности.

Форма украшения хорошо найдена и завершена. Основанием подтреугольного по силуэту венца служили золоченые плавно изогнутые «брови». Их пластичным изгибом ритмично вторили мотивы ажурного завершения с узорно выразительной линией рисунка, подчеркнутую рядами бирюзовых глазков. Центры и завершения деталей выделялись кораллами или красными стеклами, по низу свисали подвески из спиралек, бусин и золотых лепестков. Авторы, описывавшие тиллакош, воспри-

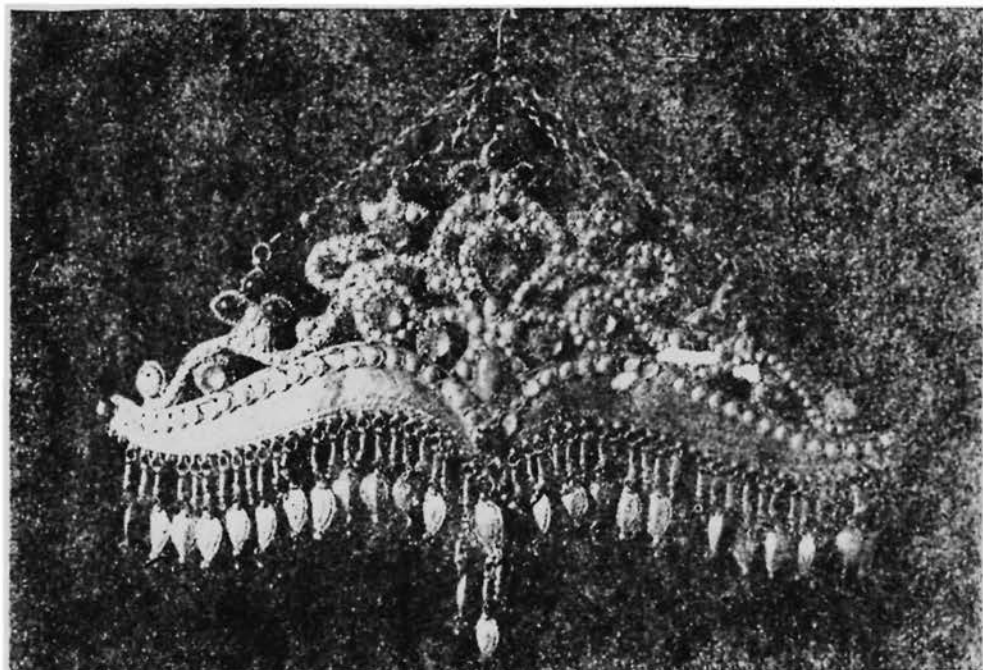

Рис. 1. Тиллакош. Ташкент. Конец XIX в.

нимали нижние узкие пластинки как изображение бровей. Но в своей основе их форма исходила не от бровей, а от изображения летящей птицы. При внимательном взгляде видно, что здесь не передана форма бровей, которые не имеют такого изгиба. Бросается в глаза и несоответствие орнаментального узора обычному расположению волосиков бровей. Мастер явно изображал перо птицы, в котором от центрального стержня по обе стороны под углом отходили ворсинки. В отдельных экземплярах тиллакош изображалось целое крыло с маленькими перьями. Старых мастеров нельзя упрекнуть в натурализме, но их работы не лишены достоверности в передаче характерных черт животного или птицы.

Возникает также вопрос — почему брови сомкнулись над переносьем? И опять напрашивается сравнение с распахнутыми крыльями: центральная розетка первоначально могла изображать тело птицы. В сохранившемся обычае крашения бровей соком растения усма, при котором брови иногда смыкаются, тоже можно видеть переосмысление первоначального изображения птицы, восходящего к древней татуировке. Близки по звучанию слова «кош» — «брови» и «куш» — «птица», так что со временем и в этом могли произойти переосмысления.

Как и в других случаях, наиболее старую форму данного типа налобного украшения сохранил Хорезм. Оно называлось «осми-тузи» — от «осма» — подвеска или «канот-осма» — «подвеска-крылья»³, что восстанавливает прообраз. Узор на крыльях дается в иной технике, создающей нарядное украшение, исполненное в хорезмийском стиле: ажурно-филигранные завитки, оживленные зернью, напоминают и водовороты, и вьюнки, и завитки перьев селезня и других птиц, трактованных орнаментально. Согласно легенде, хорезмийские узоры произошли от пера павлина. Мастера нашли в нем 112 узоров. Очевидно, в легенде была и доля правды.

Интересно описание С. М. Дудина: «Выше баргак еще прикрепляется кош или куш — это серебряная массивная, имеющая форму... (далее неразборчиво. — Д. Ф.),

¹ Шишов А. Сарты. Ташкент, 1904, с. 296.

² Гейер И., Назаров И. Кустарные промыслы в Ташкенте. Ташкент, 1903, с. 13.

³ Сазонова М. В. Украшения узбеков Хорезма. — В кн.; Традиционная культура народов Передней и Средней Азии, Л., 1970, с. 123.

к верхушке которой приделана унизанная бирюзой с крупными вставками из цветного стекла решеточка, верхний край которой также украшается перьями из крыльев утки (селезня, ГМЭ, 240—45). В моем собрании есть куш в виде небольшой птички, выполненной предельно грубо из матового серебра⁴. Подобный мотив в вышивке называется «кушканат» — «крылья птицы»⁵.

Бухарский вариант диадемы, наиболее близкой к тиллакош, назывался «болоабру». Главное его отличие состояло в том, что в нем отсутствовало ажурное навершие и яснее и целостнее выступала первоначальная, но декоративно интерпретированная фигура летящей птицы. Этимологию слова «болоабру» ввиду близкого звучания его составных частей можно понять различно. «Боло» — «верхний», «боло» — «горе», «абру» — «брови», «обру» — «престиж». Это название украшения, как и тиллакош, свидетельствует о более позднем переосмыслении или завуалировании первоначального изображения.

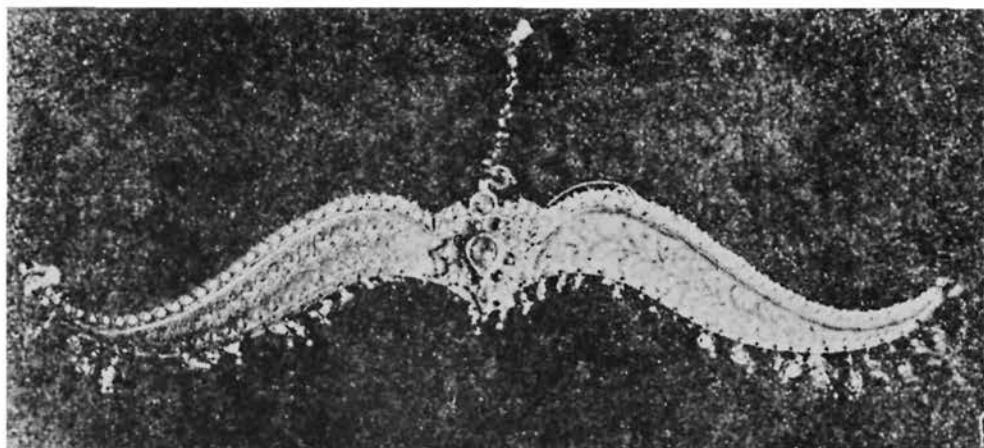

Рис. 2. Тиллакош. Бухара. XIX в.

Как показывает эволюция развития ювелирного искусства, со временем в нем усиливалась усложненность трактовки изобразительных мотивов, которые прошли долгий путь обобщения, флоризации, абстрагирования и орнаментализации. В ажурном узоре верхней части тиллакош, «не читаемом» на первый взгляд, просматривается сложная многофигурная геральдическая композиция, включающая антропоморфные, зооморфные, растительные и солярные мотивы. В каждом экземпляре украшения мотивы смотрятся по-разному, чаще они превращены в отвлеченные, неузнаваемые узоры орнамента.

Но есть тиллакош, в которых еще угадываются изображения разных существ. Лучше других видятся четыре силуэтные фигуры хищников кошачьей породы — тигры или барсы, расположенные перед главной фигурой. У крайних, более крупных, голова превращена в мидалевидную или трехлепестковую розетку, гибкое тело намечено одной линией, в какой-то степени сохранившей пластику животного, хвост закручен, видны передние лапы. Ближе к центру расположены маленькие фигурки, тоже в характерной для этой породы хищников напряженной позе припавшего и готового к броску зверя.

В центре композиции еще труднее «увидеть» трансформированную фигуру человека. Голова — в виде трилистника, овал — туловище и две линии рук. Превращение и семантическое слияние изображения головы человека или животного в растительный мотив широко известны в искусстве Востока. В данном случае можно еще более уточнить, что в трилистник превратилась голова богини, часто изображавшаяся в трехзубчатой короне.

На основе древней языческой мифологии возникает предположение о том, что первоначально на диадеме изображалась великая богиня-мать, прародительница, символизирующая плодородность и плодородие. Она была известна в Хорезме с конца III тыс. до н. э. С середины I тыс. до н. э. и позже в ней могли видеть Ардвису Анахиту, Ордохшо, Нана и других местных богинь, наделенных полисемантической символикой, в том числе и как покровительниц женщины. В ее «руках» видны красные стекла или бусины кораллов, что может говорить о первоначальном изображении плодов граната — символа плодородия и атрибута богини-матери. Обращают на себя внимание имена «главных» богинь-матерей среднеазиатского пантеона — Анахита и Нана. Нана по своему происхождению считается месопотамской и индийской богиней, возникновение Анахиты связано с Авестой, но в основе имен той и другой есть близкое для народов Средней Азии слово «она» — «мать», думается, что это не случайное совпадение.

⁴ Дудин С. М. Отчет о поездках в Среднюю Азию (1900—1902). Ркп. архива ГМЭ, ф. 1, оп. 2, д. 247, 1903, с. 253.

⁵ Чепелевская Г. Л. Вышивка. — В кн.: Народное декоративно-прикладное искусство киргизов, М., 1968, с. 85, рис. 4—8.

Своеобразным протооригиналом изображения богини на женском головном уборе может служить найденная в Лавандаке (Согд) «круглая плакетка из листового золота с тисненым изображением богини» (II в. до н. э.). Плакетка имела петлю и прикреплялась к головному убору с множеством разнообразных бусин⁶.

Изображение человека на головном уборе дожило в завуалированном виде до XX в. На шахрисабзских тибетейках, выполненных в технике ироки-санама, вышивали «крупный медальон с заостренным выступом в центре. Внутри медальона помещалось стилизованное изображение человеческой фигуры «каурак» — кукла, по ее бокам располагаются обраченные острыми концами вверх миндалиники⁷. Мотив миндалинок первоначально мог восходить к изображению птиц, предстоящих перед богиней, что в целом создавало геральдическую композицию.

Со временем фигура богини-матери флоризовалась и сливалась с образом дерева жизни, как это было характерно для прикладного искусства. «...Диадема (кокошник, повязка) — с древнейшим символом жизни — изображения женщины и священного дерева»⁸. Помимо того, что само дерево одухотворялось и воспринималось как символ жизни, сравнение с ним женщины прошло через века. Алишер Навои в своих поэмах часто сравнивал стан девушек и женщин со стройным кипарисом, пальмой, бамбуком, сосной и т. д.: «Она кипарис высокий, руки ее — побеги»; «пальме стан ее подобен»; о Ширин — «стан ее — розовотелый бук»; или «гибкий, как бамбук». В сравнениях и метафорах не только создавался поэтический образ, но и отражались древние представления о связи богини-матери и дерева жизни, как и в фольклоре других народов.

Спутниками богини-матери считались животные и птицы. В Бактрии на реверсе монет Хувишки и Канишки III (II — начало III в. н. э.) богиня Нана изображалась сидящей на льве с чашей и скипетром в руках⁹. На серебряных свадебных блюдах и чашах Хорезма VIII в. Анахита изображалась сидящей на тигре или льве с эмблемами луны или солнца в руках, в головном уборе, украшенном луной и тремя зубцами¹⁰.

Более конкретные данные о магической роли тигра в жизни женщины сохранились до начала XX в. «Для устрашения шайтана во время родов кладут вблизи клыки кабана или зубы, когти тигра; от болезней помогает завертывание в шкуру тигра»¹¹. «Тигр был своего рода магическим стимулятором плодovitости. Его мех, когти, зубы, усы бездетные женщины расхватывали; через шкуру тигра перешагивали. Тигр почитался как покровитель рода»¹². Этнограф А. С. Морозова рассказывала о курьезном случае. Когда в 30-е годы XX в. в Нукусе был организован музей и в отделе природы края находилось чучело тигра, бездетные женщины проползали под ним, улавливая момент, когда их не видел смотритель залов. Факты убеждают, что изображения тигров, львов и барсов на свадебном головном уборе невесты не были случайными.

Последовательное изменение трактовки фигур животных и их переосмысление доходило до того, что на одном тиллакош, сделанном в 80-х годах XIX в., место «головок» крайних животных занял пузатый чайник, хотя на спину посажен петух, известный персонаж магических представлений. Возможно, что в XIX в. символический смысл фигур животных на тиллакош уже не всегда воспринимался.

В предшествующие столетия, в эпоху господства ортодоксального ислама, тигры изображались на архитектурных памятниках, правда в ином осмыслении. Древняя композиция рельефного изображения двух противостоящих львов сохранилась на тимпане караван-сарая в Белеули конца X — начала XI в. (Существует мнение о возможности передатировки памятника I половиной XIV в.). В конце XIV — начале XV в. изображение льва и солнца — герба правителя Самарканда Тимура — помещалось не только на штандартах, но и тимпане его дворца Ак-Сарай. В XVII в. на портале официального здания — медресе Шир-Дор в Самарканде, буквально на «лбу» сооружения, изображались два противостоящих тигра, из-за которых восходило солнце. Так что в поздние века в ином осмыслении они могли изображаться и на женских наlobных украшениях.

Композиция тиллакош сложна, в нее включены и другие символы плодородия и разных жизненных благ. В двух круглых крупных розеттах видится изображение солнца, особенно в тех, которые окружены золотым филигранным узором, напоминающим лучи. Солнце, помимо своего основного значения, как символа плодородия, служило атрибутом Анахиты и других богинь, начиная с эпохи неолита. Часто образ солнца и пышно распустившегося цветка сливались по смыслу и форме.

⁶ Обельченко О. В. Лавандакский могильник. — ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961, с. 157.

⁷ Сухарева О. А. Вышивка. — В кн.: Народное декоративное искусство Советского Узбекистана, Ташкент, 1954, с. 133.

⁸ Рыбаков Б. А. Прикладное искусство Киевской Руси IX—XI веков и южнорусских княжеств XII—XIII веков. — В кн.: История русского искусства, т. I, М., 1953, с. 282.

⁹ Дьяконова Н. В., Смирнова С. И. К вопросу о культе Наны [Анахит] в Согде. — СА, 1967, № 1, с. 108, рис. 3—3; Пугаченкова Г. А. Художественные сокровища Дальверзин-тепе. Л., 1978, с. 84.

¹⁰ Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII—XIII вв. М., 1976, с. 44; Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 201.

¹¹ Тризна Б. Несколько данных к естественно-исторической и экономической характеристике Туркестанского участка Сырдарьинской области. Ташкент, 1911, с. 12.

¹² Снесарев Г. П. Под небом Хорезма. М., 1973, с. 90—91.

У «ног» богини на тиллакош можно увидеть еще один мотив — отвлеченное по трактовке изображение головы быка или барана. Хорошо просматриваются загнутые рога, крупная массивная голова. Издавна изображение быка и барана-производителя или головы, рогов было одним из символов плодородия, так что «присутствие» букрания на диадеме не противоречит, а усиливает смысловое значение украшения. В других вариантах «проросшая» голова животного ассоциируется с пышными листьями аканта.

Композиция с изображением человека, как бы вырастающего из аканта и других растений, также известна в местном искусстве. На капителях колонн и пилястров зданий кушанской эпохи человеческая фигура, торс или бюст изображались среди листьев аканта¹³. От того же времени дошла булавка для головного убора с навершием в виде фигуры человека, вырастающей из бутона лотоса. Сходный смысл имели и танцы раннего средневековья: «Китайский поэт рассказывает о пляске (очевидно, ритуальной.— Д. Ф.), исполнявшейся двумя самаркандскими девушками, которые появлялись из огромных, искусно сделанных цветов лотоса»¹⁴. Цветок лотоса также был связан с культом плодородия и служил атрибутом Анахиты.

Таким образом, в определенное время тиллакош служил оберегом невесты и молодухи, представлял украшение, пронизанное магией плодovitости. В древности изображения диадем типа кокошника встречались на фигурах богинь-образков. На городище Канка (Чач) на музыкантше-люгнитке с терракотового фриза IV—V вв. изображен головной убор типа короны, известный в литературе под названием «щит Артемиды». Ее характерная черта — линия перлов, расположенная в виде «распахнутых крыльев»¹⁵. Геральдическая симметричная композиция с доминантой центральной фигуры возникла на этапе формирования классового общества с его иерархической идеологией.

Существование такого украшения, как болоабру, без сложноузорного венца, наводит на мысль, что тиллакош появился в результате сложения двух композиций — первой с изображением летящей птицы (возможно, птице-женщины) и второй — геральдической с образом богини-матери, ее атрибутами и предстоящими животными. Очевидно, такое слияние стало возможным благодаря тому, что в пантеоне среднеазиатских божеств существовала богиня-мать в образе женщины-птицы Умай, Хумай, Хумаюн, слицаворявшая животворное женское начало и благоприятствовавшая плодovitости женщины и рождению ребенка. В XIX в. тиллакош не только включал фигуру летящей птицы, но и увенчивался натуральными птичьими перьями.

В свете сказанного вызывает сомнение утверждение, что тиллакош «вошел в обиход в самом конце XIX — начале XX вв.»¹⁶, так как композиция, форма, первоначальное смысловое значение украшения восходили к глубокой древности. Как мы видели, в сложении его формы и композиции прослеживаются архаические пласты, отражающие ранние анималистические представления и говорящие о более тесных связях человека с природой и ее обожествления. В своей основе украшение восходит к сложной многофигурной композиции, которая должна была пройти долгий путь трансформации, чтобы забылся смысл сюжетов и символы, переосмысленные чисто эстетически, превратились в «нечитаемую», отвлеченную декоративную вязь и воспринимались как «затейливо переплетающийся узор». Как убедительно высказано Б. А. Рыбаковым, глубоким исследователем древнерусского искусства, «изображения на диадемах, колтах не следует расценивать как простое эстетическое заполнение, а как загадочные шпьемна, ключом к которым служит языческое мировоззрение»¹⁷.

Тиллакош в XIX в. изготавливали мастера Ташкентского, Самаркандского и Ферганского оазисов. Он входил в ансамбль с тилла-баргак, гажак, зирек, зеби-гардон или хайкал, оформленными в едином художественном стиле. Прием оформления заключался в сплошном декорировании поверхности плоскостных украшений. Круглые, овальные и миндалевидные, яркие или темно-красные стекла либо бусины-кораллы на шпеньках выделяли основные детали и центры узора и мотива. Их окружали ряды из глазков бирюзы или голубого стекла в оправках, которые также окаймляли все украшения и создавали узорные линии.

Изучение истории декоративно-прикладного искусства необходимо и для понимания того, что развитие национальных традиций не должно сводиться к бездумному, механическому копированию и переносу старых форм, композиций, деталей и орнаментальных мотивов в современные произведения. Как показывает исследование, они имели свой смысл и содержание, соответствующие определенным историческим эпохам, и выражали мировосприятие людей того времени. Механически повторять из века в век старое — значит приостановить развитие искусства, так как художник и народный мастер всегда живут идеями своей, а не прошлой эпохи

Д. А. Фахретдинова

¹³ Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии эпохи кушан. Ташкент, 1979.

¹⁴ Shafer E. N. The Golden Peaches of Samarkand. Los Angeles, 1963, p. 51, 55.

¹⁵ Абдуллаев Н. Уникальная находка терракотового фриза.— ОНУ, 1974, № 2, с. 45.

¹⁶ Борозна Н. Г. Виды женских ювелирных украшений у народов Средней Азии и Казахстана.— СЭ, 1974, № 1, с. 35.

¹⁷ Рыбаков Б. А. Указ. статья, с. 269.

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ ВУЗОВ

ИЗ ОПЫТА ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ СТУДЕНТОВ В АНДИЖАНСКОМ ИНСТИТУТЕ ХЛОПКОВОДСТВА

В документах июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС и XI пленума ЦК КПУз (июль 1983 г.) уделено особое внимание вопросам усиления идеологической, политико-воспитательной работы среди молодежи, в том числе учащихся. Широки-ми возможностями в этом отношении располагают высшие учебные заведения. В частности, важной формой воспитания студенчества в духе коммунистической сознательности, идейной убежденности, активной жизненной позиции служит широко вошедшая в жизнь наших вузов общественно-политическая практика (ОПП). Будучи многогранной, комплексной, интегративной формой коммунистического воспитания студенчества, она входит составной частью в единые комплексные планы научно-воспитательной работы в вузах, разрабатываемые на весь период обучения.

Полезный опыт организации ОПП накоплен во многих вузах республики. Здесь мы вкратце охарактеризуем организацию этого важного участка воспитательной работы в коллективе Андижанского института хлопководства (АХИ), где ОПП введена с 1971/72 учебного года.

Общественно-политическая практика студента направлена на подготовку и воспитание будущих специалистов, приобретение каждым из них знаний, умений и навыков организаторской, агитационно-пропагандистской и воспитательной работы в коллективе¹.

В Андижанском хлопковом институте разработано и действует Положение об общественно-политической практике студентов, в котором определены основные принципы организации ОПП, ее цели и задачи, порядок проведения практики и ее руководители, критерии оценки результатов².

В соответствии с положением, система ОПП включает в себя теоретический курс и практические занятия по основам организаторской и воспитательной работы; выполнение заданий во время прохождения производственной практики; участие студентов в исследованиях по проблемам общественных наук; организаторскую, массово-политическую и воспитательную работу во время «трудового семестра»; общественные поручения.

Общее руководство практикой, согласно положению, осуществляют партийный комитет, ректорат, комитет ВЛКСМ, а на факультетах — партийное бюро, деканат, комсомольское и профсоюзное бюро. Методическое руководство разработкой рекомендаций по дальнейшему совершенствованию системы ОПП, контроль и координация работы отдельных звеньев осуществляются специально созданным Советом по общественно-политической практике.

Методологической основой ОПП служат знания, приобретенные студентами при изучении общественных наук. Теоретическая и методическая подготовка их осуществляется как в рамках учебного процесса, так и вне его.

Был введен спецкурс «Основы организаторской и общественно-политической работы в трудовом коллективе» в объеме 68 часов.

На первом курсе изучается вводный раздел — «Общественные науки и студенческий труд». Основное содержание занятий на II курсе — овладение методикой агитационно-пропагандистской работы, проведения политинформаций, лекций и докладов. Третьекурсники знакомятся с различными формами идеологической и политико-воспитательной работы в трудовом коллективе. Студенты четвертого года обучения изучают основные направления организаторской деятельности. На пятом курсе читается цикл лекций, задача которых — помочь выпускнику адаптироваться в трудовом коллективе.

Большую помощь преподавателям общественных наук в организации и проведении ОПП оказывают отделения факультета общественных профессий (ФОП), в частности школа молодого лектора, где студенты приобретают навыки массово-политической, агитационно-пропагандистской деятельности, учатся работать с людьми, готовятся к публичным выступлениям.

ФОП, в отличие от ОПП, охватывает лишь определенную часть студентов всех курсов, занимающихся на отделениях ФОП на добровольных началах, в соответствии со своими наклонностями.

Цель ФОП состоит в том, чтобы способствовать более глубокому и творческому изучению марксистско-ленинской теории, экономической политики КПСС и Советского государства, обеспечивать дальнейшее укрепление связи высшей школы с жизнью, прививать будущим специалистам навыки пропагандистской и массово-политической работы с трудящимися.

В Андижанском институте хлопководства факультет общественных профессий работает уже 12-й год. За последние 2 года более 100 выпускников АХИ получили,

¹ Текущий архив АХИ. Постановление коллегии Министерства высшего и среднего специального образования СССР и секретариата ЦК ВЛКСМ от 30 июля 1981 г.

² Текущий архив АХИ. Общественно-политическая практика студентов (Положение и программы), 1982 г.

кроме основной профессии, вторую, общественную — лектор-пропагандист экономических знаний; лектор-международник; лектор-атеист; сельский (рабочий) корреспондент.

Первоначально ФОП имел 8 отделений, включая школу молодого лектора, организатора художественной самодеятельности, юриста-консультанта, организатора спортивных работ и др. Ныне у нас действует также народный университет юридических знаний. Сейчас ФОП института охватывает более 200 студентов разных курсов. Партком, ректорат, общественные организации оказывают ФОП всемерную помощь в улучшении его работы, укреплении материальной базы, обеспечении опытными кадрами.

Много внимания уделяют работе ФОП Андижанский обком партии, областная организация общества «Знание», коллектив Андижанского госпединститута. С их участием факультет обеспечен квалифицированными кадрами. В частности, лекции по логическим и психологическим проблемам лекторского искусства читают члены кафедры педагогики и психологии АндГПИ.

Школа молодого лектора (ШМЛ) — одно из отделений ФОП — служит действенной формой привлечения студентов к пропаганде решений партии и правительства, политических и научных знаний, развития их общественно-политической активности, вооружения знаниями, методикой и навыками лекционно-пропагандистской, агитационно-массовой работы. ШМЛ состоит из трех секций, готовящих лекторов-пропагандистов экономических знаний, лекторов-международников и лекторов-атеистов.

Большая работа по линии ФОП и ОПП в целом ведется среди членов студенческих стройотрядов (ССО), в которых удачно сочетается идейно-политическое, трудовое, нравственное и физическое воспитание будущих специалистов.

Силами руководителей и слушателей ФОП заранее готовятся тематика лекций и бесед, с которыми студенты стройотрядов будут затем выступать перед населением. Только в 1982 г. силами лекторов-студентов было проведено более 100 лекций и бесед среди населения Андижанской, Джизакской областей и за пределами Узбекской ССР. Основное внимание уделялось пропаганде решений майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС и постановления ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик».

Программа обучения ФОП рассчитана на 2 года. Занятия проводятся 4 раза в месяц в течение всего учебного года. Теоретические знания закрепляются и проверяются на практике.

В первый год обучения наряду с чтением лекций по актуальным проблемам преподаватели учат слушателей работать с фактическим и теоретическим материалом. Навыки работы с газетными и журнальными статьями, монографической литературой имеют особое значение для будущих лекторов.

Преподаватели проводят собеседования, делятся опытом сбора материала для лекций, его систематизации и обобщения. По отдельным вопросам организуются дискуссии. Они оживляют занятия, стимулируют активность и внимание слушателей, вызывают потребность знакомиться с соответствующим материалом, вырабатывают умение быстро, правильно и аргументированно отвечать на вопросы аудитории.

На втором году обучения слушатели ФОП пишут доклады и читают лекции, проявляя свою способность к обобщению, осмыслению теоретического и эмпирического материала.

Курс обучения считается успешно законченным, если слушатель ФОП в течение двух лет обучения усвоил программный материал, выступил не менее десяти раз в качестве политинформатора, докладчика, лектора в студенческих аудиториях, общежитиях, колхозах, совхозах и других массовых аудиториях.

Многолетний опыт организации ОПП и ФОП свидетельствует о том, что эти формы работы со студентами содействуют подготовке и воспитанию будущих специалистов, выработке у них прочных убеждений, активной жизненной позиции, стремления и умения вести деятельную общественную работу в массах. Неслучайно опыт нашего института в этой области был еще в 1977 г. одобрен на первой республиканской научно-практической конференции по ОПП и рекомендован другим вузам Узбекистана.

М. Тургунов

НОВЫЕ КНИГИ

КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА И ДУХОВНОЕ ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ

(Ташкент: Фан УзССР, 1982, 155 с.)

Рецензируемая книга представляет собой коллективный труд, в котором впервые в нашей республике комплексное исследование сложной структуры и механизма взаимодействия культурной среды и духовного формирования личности в условиях развитого социализма. В первом разделе подробно рассматриваются диалектика взаимосвязи и взаимной обусловленности культурной среды и личности, социалистическое право как духовная ценность культурной среды, роль художественно-культурной среды в удовлетворении духовной потребности личности, об-

шение и образование как факторы ее духовного развития. Во втором разделе столь же обстоятельно анализируются такие вопросы, как роль научной организации труда, быта, традиций и семьи в совершенствовании процесса коммунистического воспитания, культурно-эстетическое, духовно-нравственное развитие личности, создание морального климата в трудовом коллективе, повышение уровня культурной среды на производстве как необходимые компоненты духовного формирования личности в условиях развитого социализма.

Положительно оценивая проведенное авторами серьезное исследование столь сложных вопросов, надо отметить, что оно не лишено и отдельных недостатков. Во-первых, культурная среда как специфическая форма проявления общественной жизни вытекает из потребности высокой культуры социалистического общественного производства. Такая закономерность исходит из внутренней противоречивости, взаимообусловленности всех сторон культурной среды на разных исторических этапах развития общества. Этот существенный аспект не нашел надлежащего отражения в рецензируемой книге. Во-вторых, культурная среда включает в себя и важную идеологическую функцию, ибо воспитывает людей в духе коммунистической сознательности, общественной активности, формирует духовный облик человека будущего коммунистического общества. Однако и этот вопрос не освещен на должном уровне.

В целом же авторам удалось справиться с поставленной задачей и внести полезный вклад в изучение одной из сложных и актуальных проблем марксистской социологии.

А. Базаров, Х. Самибаяев

АЛЕСКЕРОВ Ю. Н., НОРМУРАДОВ Х. Н. САМАРКАНДСКАЯ ОБЛАСТЬ

(Ташкент: Узбекистан, 1982, 135 с.)

В экономической и культурной жизни Советского Узбекистана важную роль играет Самаркандская область. Один из древнейших городов мира — Самарканд — привлекает к себе многочисленных туристов со всех концов Союза и различных зарубежных стран. Они проявляют большой интерес к историческому прошлому и современной жизни города и области, перспективам их развития. На многие интересующие их вопросы может обстоятельно ответить книга Ю. Н. Алескерова и Х. Н. Нормурадова «Самаркандская область».

Написанная живо и увлекательно, на основе обобщения богатого фактического материала книга в суммированном виде отражает многовековую историю, процесс социалистического обновления и перспективы развития народного хозяйства, культуры и науки города и области.

Прежде всего книга знакомит читателя с ландшафтом и природными ресурсами области.

Следующий раздел — «Шествие всков» — посвящен истории области с древнейших времен до наших дней. При этом подробно освещены историческое прошлое Самарканда, объективно прогрессивное значение присоединения города и области к России, распространение здесь идей марксизма-ленинизма, развитие революционного движения, установление Советской власти в Самарканде и области.

С большим интересом читается и раздел, посвященный индустриальному развитию области, формированию рабочего класса из местного населения, причем особо подчеркнута огромная роль в этом деле братской помощи великого русского и других народов СССР.

Далее освещаются процесс и результаты социалистического преобразования сельского хозяйства области.

Очень подробно освещены вопросы культурного строительства, в итоге которого в области, как и по всей стране, произошла глубокая культурная революция, а г. Самарканд превратился в один из крупнейших центров социалистической культуры и науки.

Предпоследний раздел книги посвящен многочисленным историко-архитектурным достопримечательностям Самарканда, памятникам революционной, боевой и трудовой славы.

В книге рассказано и о перспективах дальнейшего социально-экономического и культурного развития города и области.

К работе приложен также раздел справок, где указаны адреса и номера телефонов партийно-советских и хозяйственных организаций, предприятий, музеев, театров, домов культуры и т. д.

Следует отметить также, что книга хорошо иллюстрирована и издана на должном полиграфическом уровне.

Вместе с тем надо сказать, что не все разделы работы в полной мере раскрывают поставленные вопросы. Это особенно относится к разделу, посвященному аграрной политике партии. Следовало бы подробнее осветить социалистическое преобразование сельского хозяйства, самоотверженную борьбу трудящихся области за развитие ирригации и расширение орошаемых площадей, их вклад в достижение хлопковой независимости страны.

Но в общем книга оставляет хорошее впечатление и ее следует рассматривать не только как новый труд, пополняющий историографию Самарканда и области, но и как полезное подспорье для работников идеологического фронта, ценное пособие для многочисленных туристов, интересное и для широкого круга читателей.

М. Д. Джуракулов, Э. Х. Ходжиев

ХАЗРАТКУЛОВ А. РОСТ МАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА УЗБЕКИСТАНА (1966—1975 гг.)

(Ташкент: Узбекистан, 1982, 127 с.)

Работа А. Хазраткулова состоит из введения, двух глав и заключения. В первой главе — «Удовлетворение растущих материальных потребностей колхозников Узбекистана в годы восьмой и девятой пятилеток» — на большом фактическом материале характеризуются основные направления увеличения доходов колхозов, расширение системы социального обеспечения колхозников, улучшение их жилищных условий, развитие культурного строительства на селе.

Во второй главе — «Коммунально-бытовое обслуживание и охрана здоровья колхозников» столь же обстоятельно освещаются улучшение коммунального обслуживания и рост объема бытовых услуг, оказываемых колхозникам Узбекистана, развитие системы торговли и общественного питания на селе, совершенствование медицинского обслуживания, успехи физкультуры и спорта в сельской местности республике. Особо отмечена забота партии и правительства об улучшении материального благосостояния колхозниц, охране материнства и детства.

Таким образом, в книге на конкретном примере роста материального благосостояния колхозного крестьянства УзССР убедительно раскрыт тот факт, что в центре всей социальной политики КПСС и Советского государства стоит забота о благе трудящихся, каждого советского человека.

В этой связи представляется, что автору следовало бы акцентировать внимание на международном значении опыта повышения материального благосостояния колхозного крестьянства Узбекистана, убедительно свидетельствующего о неизмеримых преимуществах социалистического образа жизни.

Рецензируемая работа, несомненно, привлечет внимание не только историков, пропагандистов, но и широкого круга читателей.

С. П. Турсунмухамедов, Г. И. Желтова

ИСМАИЛОВА Э. М. ИСКУССТВО ОФОРМЛЕНИЯ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ РУКОПИСНОЙ КНИГИ XVIII—XIX вв.

Художественные черты и стилистические особенности

(Ташкент: Фан УзССР, 1982, 152 с., с илл.)

Книга Э. М. Исмаиловой посвящена комплексному изучению искусства оформления среднеазиатских рукописей XVIII—XIX вв.

Автор, учитывая и обобщая результаты предшествующих исследований, делает попытку создать общую картину истории зарождения и развития искусства орнаментального оформления, раскрыть семантический смысл книжной орнаментики на основе глубокого изучения многочисленных рукописей, хранящихся в различных собраниях страны, в том числе в Узбекистане. При этом введены в научный обиход многие ранее не известные или малоизвестные художественно оформленные рукописи, созданные в Средней Азии. Всего выявлено 25 названий иллюстрированных и 141 — иллюминированных рукописей.

Книга состоит из введения и четырех глав с приложением списков литературы, каталогов, иллюстрированных и иллюминированных рукописей.

В первой главе — «Историко-культурная обстановка в Средней Азии в XVIII—XIX вв. и художественная рукопись» — дана обобщающая характеристика эпохи, условия которой отразились и на художественном оформлении рукописных книг, нередко рассчитанных на широкий круг читателей, в том числе с ограниченными материальными возможностями. Отсюда — демократизация художественного языка и стиля и удешевление общей стоимости многих произведений.

Вторая, основная глава — «Слагаемые художественной книги» — посвящена анализу структуры рукописи — переплета, оформления и рубрикации текста. Особо выделяются наблюдения автора о содержании некоторых орнаментальных мотивов, где каждая деталь художественного декора рассмотрена в историческом аспекте, сделана попытка раскрыть ее первоначальный смысл и проследить дальнейшую эволюцию. Некоторые выводы автора представляются спорными, как, например, утверждение, будто «традиция завершения книги призывом, всякого рода добрым

посланиями в адрес автора произведения, а иногда и переписчика» могут подтверждать «магический смысл, вкладываемый в треугольную форму концовки» (с. 61).

В третьей главе — «Миниатюры в среднеазиатских рукописях художественных произведений XVIII—XIX вв.» — на основе анализа стилистических и художественных особенностей определяется место каждого памятника в истории среднеазиатской миниатюрной живописи.

В четвертой главе анализируются средства декоративной выразительности, образной характеристики и изобразительные приемы в художественном оформлении поздней среднеазиатской рукописи. Здесь также сделан ряд интересных наблюдений и выводов.

Вместе с тем надо отметить, что и по структуре, и по объему первая и четвертая главы оказались неравноценными по сравнению с другими. Изучая такой компонент, как рубрикация текста, вряд ли справедливо не обращать внимание на характер почерка. Вне поля зрения автора остались имена мастеров-переплетчиков, хотя особо анализируются их произведения. Между тем, если имена многих миниатюристов в большинстве случаев не известны, то имя переплетчика, как правило, фиксируется в специальном орнаменте «лола» (тюльпан). В приложениях желательно было бы дать имена каллиграфов. Поскольку издание посвящено изобразительному искусству, было бы уместно увеличить количество иллюстраций.

Но в целом это первое крупное исследование искусства оформления среднеазиатской рукописной книги XVIII—XIX вв. следует признать бесспорным вкладом в изучение богатого художественного наследия народов Средней Азии, в том числе Узбекистана.

А. А. Мадраимов

ХРОНИКА

К 70-ЛЕТИЮ С. К. ЗИЯДУЛЛАЕВА

Исполнилось 70 лет со дня рождения и 50 лет трудовой и научной деятельности видного ученого-экономиста, академика АН УзССР, председателя Совета по изучению производительных сил (СОПС) АН УзССР, профессора Саид-Карима Зиядуллаева.

С. К. Зиядуллаев родился в Ташкенте 15 октября 1913 г. По окончании (1938 г.) инженерно-экономического факультета Московского коммунально-строительного института он в течение шести лет работал в системе Наркомата коммунального хозяйства УзССР, вначале в качестве инженера-экономиста, затем — начальника планово-экономического управления, члена коллегии Наркомата. С 1944 по 1946 г. был заместителем председателя Хорезмского облисполкома, в 1946—1948 гг. — министром промышленности строительных материалов республики, в 1948—1955 гг. — заместителем Председателя Совета Министров УзССР, председателем Госплана УзССР, в 1955—1956 гг. — министром городского и сельского строительства УзССР, в 1956—1957 гг. — заместителем Председателя Совета Министров УзССР и начальником Главголд-степстроя, в 1957—1974 гг. — заместителем Председателя Совета Министров УзССР и председателем Госплана республики, членом коллегии Госплана СССР.

Находясь на ответственной практической работе, С. К. Зиядуллаев одновременно вел плодотворную научную деятельность. В 1952 г. он защитил в Институте экономики АН СССР кандидатскую диссертацию «Развитие промышленности Узбекской ССР за годы Советской власти», а в 1966 г. — докторскую на тему «Промышленность Узбекистана и основные экономические проблемы ее развития».

В 1957 г. С. К. Зиядуллаев был избран членом-корреспондентом Академии строительства и архитектуры СССР, в 1966 г. — членом-корреспондентом, а в 1974 г. — академиком АН УзССР.

С 1974 г. С. К. Зиядуллаев работает в Академии наук республики, являясь председателем Совета по изучению производительных сил (СОПС); в 1974—1979 гг. был членом Президиума АН УзССР.

Основными направлениями научной деятельности С. К. Зиядуллаева являются изучение экономики народного хозяйства УзССР, общих закономерностей и региональных особенностей ее развития, разработка научных прогнозов комплексного развития и размещения производительных сил республики. По итогам научных ис-

следований им опубликовано около 200 работ, в том числе: «Промышленность Узбекистана и основные экономические проблемы ее развития», «Планирование и развитие экономики Узбекской ССР», «Индустриальный маяк на Востоке», «Экономические законы социализма в практике коммунистического строительства», «Региональные особенности и потенциальные возможности развития производительных сил Средней Азии», «Экономическая эффективность развития и размещения народного хозяйства Узбекистана» и др.

Ряд трудов С. К. Зиядуллаева переведены на английский, французский, арабский, испанский, немецкий языки и изданы за рубежом.

С. К. Зиядуллаев — научный руководитель и непосредственный участник создания таких комплексных трудов СОПС АН УзССР, как «Научные основы развития и размещения производительных сил республики на долгосрочную перспективу», «Комплексная программа научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий», «Социально-экономические проблемы переброски части стока сибирских рек в Среднюю Азию и Казахстан» и др.

С. К. Зиядуллаев ведет большую научно-организационную работу как председатель СОПС АН УзССР, председатель Среднеазиатской комиссии Научного совета АН СССР «Размещение производительных сил СССР», член бюро Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Оптимальное планирование и управление народным хозяйством», член Президиума Совета по международным научным связям в области региональных исследований при Президиуме АН СССР, член Комиссии по изучению производительных сил и природных ресурсов АН СССР, член Ученого совета по защите диссертаций Института экономики АН УзССР и др.

С. К. Зиядуллаев неоднократно участвовал в работе республиканских, региональных, общесоюзных и международных научных форумов, выступал с лекциями и докладами во многих зарубежных странах.

С. К. Зиядуллаев уделяет много внимания подготовке научных кадров. Под его руководством более 40 человек защитили докторские и кандидатские диссертации.

Член КПСС с 1944 г. С. К. Зиядуллаев ведет активную общественную работу. С 1975 г. он является председателем Правления общества «Знание» Узбекской ССР и членом Правления Всесоюзного общества «Знание». Кроме того, он — член редколлегии Узбекской Советской Энциклопедии, журнала «Фан ва турмуш» и др.

С 1949 г. С. К. Зиядуллаев неизменно является членом ЦК КПУз; он избирался делегатом XXII съезда КПСС, X—XX съездов КПУз; в 1947—1975 гг. был депутатом Верховного Совета УзССР.

В течение многих лет С. К. Зиядуллаев является членом редколлегии журнала «Общественные науки в Узбекистане», на страницах которого им опубликован целый ряд статей по актуальным проблемам экономических наук.

Заслуги С. К. Зиядуллаева высоко отмечены партией и правительством. Он награжден орденом Ленина, тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Узбекской ССР, знаком «Отличник народнохозяйственного планирования СССР», медалями СССР, медалью им. С. И. Вавилова Всесоюзного общества «Знание» и др. В 1973 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный экономист Узбекской ССР». В связи с 70-летием со дня рождения С. К. Зиядуллаев за заслуги в развитии экономической науки и подготовке высококвалифицированных научных кадров награжден орденом Дружбы народов.

Научная общественность республики, поздравляя С. К. Зиядуллаева с 70-летием со дня рождения и 50-летием трудовой и научной деятельности, желает ему крепкого здоровья и новых творческих успехов на благо советской науки.

МУНДАРИЖА

КПСС МК июнь Пленуми қарорлари — ҳаётга!

М. Х. Каримов. КПСС МК июнь (1983 й.) Пленуми қарорлари асосида оммани интернационал тарбиялашга комплекс ёндашиш ҳақида . . .	3
А. О. Файзуллаев. Шахс ривожланишида ишонтириш-ундаш факторлари	9
А. Г. Қаҳрамонов. Қўшимча жазо сифатида маълум касбни эгаллаш ёки маълум фаолиятда хизмат қилиш ҳуқуқидан маҳрум этиш . . .	15
Т. Ю. Гречкина. Юқори палеолит даврида одамнинг ишлаб чиқариш фаолиятини реконструкция қилиш методикасига оид	21

Илмий ахборот

Ф. П. Баратов. Пахтачиликда агросаноат интеграциясининг ривожланиши	29
Х. А. Гонров. Мирзачўл меҳнаткашларининг ижодий активлигини ўсиши	31
Г. В. Мачин. Қишлоқ хўжалигини коллективлаштириш даврида Ўзбекистон қишлоқ Советларини мустаҳкамлашда ишчилар синфининг роли	34
Д. А. Фахритдинова. XIX аср Ўзбекистон заргарлик санъатида шакл ва форманинг ўзаро боғлиқлиги	36

Олий ўқув юртлари ўқитувчиларига ёрдм

М. Турғунов. Андижон пахтачилик институти студентларининг ижтимоий-сиёсий практикани ташкил этиш тажрибасидан	41
---	----

Янги китоблар

А. Бозоров, Х. Самибоев. Маданий муҳит ва шахснинг маънавий шаклланиши	42
М. Ж. Жўрақулов, Э. Х. Ҳожиёв. <i>Алескеров Ю. Н., Нормуродов Х. Н.</i> Самарқанд области	43
С. П. Турсунмухамедов, Г. И. Желтова. <i>Ҳазратқулов А.</i> Ўзбекистон колхозчи деҳқонларининг моддий фаровонлигини ўсиши (1966—1975 йй.)	44
А. А. Мадраимов. <i>Исмоилова Э. М.</i> XVIII—XIX асрларда Ўрта Осиё қўлёзма китобларини безаш санъати	44

Хроника

С. Қ. Зиёдуллаевнинг 70 йиллиги	45
---	----

СОДЕРЖАНИЕ

Решения июньского Пленума ЦК КПСС — в жизнь!

М. Х. Каримов. О комплексном подходе к интернациональному воспитанию масс в свете решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС	3
А. А. Файзуллаев. Мотивационно-побудительные факторы в развитии личности	9
А. Г. Каграманов. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как вид дополнительного наказания	15
Т. Ю. Гречкина. К методике реконструкции производственной деятельности человека в верхнем палеолите	21

Научные сообщения

Ф. П. Баратов. Развитие агропромышленной интеграции в хлопководстве	29
Х. А. Таиров. Рост творческой активности тружеников Голодной степи	31
Г. В. Мачин. О роли рабочего класса в укреплении сельсоветов УзССР в период коллективизации сельского хозяйства	34
Д. А. Фахретдинова. О взаимообусловленности содержания и формы в ювелирном искусстве Узбекистана XIX века	36

В помощь преподавателям вузов

М. Тургунов. Из опыта организации общественно-политической практики студентов в Андижанском институте хлопководства	41
---	----

Новые книги

А. Базаров, Х. Самибаяев. Культурная среда и духовное формирование личности	42
М. Д. Джуракулов, Э. Х. Ходжиев. <i>Алескеров Ю. Н., Нормуродов Х. Н.</i> Самаркандская область	43
С. П. Турсунмухамедов, Г. И. Желтова. <i>Хазраткулов А.</i> Рост материального благосостояния колхозного крестьянства Узбекистана (1966—1975 гг.)	44
А. А. Мадраимов. <i>Исмаилова Э. М.</i> Искусство оформления среднеазиатской рукописной книги XVIII—XIX вв.	44

Хроника

К 70-летию С. К. Зиядуллаева	45
--	----

Цена 65 к.

Индекс
75349